

ASPHALT

LINES & LIVES

Is the road just a line between the beginning and the end? Is it the end that matters? What happens on the roads and roadsides of human life? Asphalt, its lines and lives became our metaphorical lenses for asking the questions of the role of roads in people's lives, and roles of peoples lives in the histories of roads in the Inner Central Asia.

Since the beginning of social sciences, infrastructure has been inspiring researchers. Were those sociologists researching what changes, when the train comes to the village, or anthropologists, trying to find, what does not change, roads inspired questions. Today's big infrastructure investments between China and Europe, cutting the landscapes of Central Asia are inspiring new generations of researchers, who kindly invited artists to cooperate and think together along the road lines.

The given frame involved looking into the art of regions which are geographically and culturally very close. However, due to the historical roads linking them to the different colonial centres (Moscow or Beijing), this closeness often still comes as a surprise.

In the presented online exhibition, we look at the different road dimensions with the sensitive eyes of artists from the broader region of Central Asia. Our project aims to create a new map of connections between the artists.

Является ли дорога просто линией между началом и концом? Важно ли направление? Что происходит на дорогах и обочинах человеческой жизни? Асфальт, его линии жизни стали нашими метафорическими линзами для того, чтобы задать вопросы о роли дорог в жизни людей и роли людей в истории дорог в более широком регионе Центральной Азии.

С самого начала развития социальных наук исследователей вдохновляла инфраструктура. Будь то социологи, исследующие, что меняется, когда поезд приходит в деревню, или антропологи, пытающиеся найти, что не меняется: дороги вдохновляли их на вопросы. Сегодня большие инвестиции в инфраструктуру между Китаем и Европой, пересекающую ландшафты Центральной Азии, вдохновляют новые поколения исследователей, которые любезно пригласили художников к сотрудничеству и совместному размышлению вдоль линий дорог. Заданные рамки предполагали изучение искусства регионов, которые географически и культурно очень близки. Однако из-за исторических дорог, связывающих их с различными глобальными центрами - Москва или Пекин - эта близость часто оказывается неожиданной.

На представленной онлайн-выставке мы рассматриваем различные дорожные измерения через чуткий взгляд художников из региона Центральной Азии. Наш проект направлен на создание новой карты связей между художниками и культурными контекстами.

SOCIAL ANTHROPOLOGY AND ART

Agnieszka Joniak-Lüthi, University of Fribourg, Switzerland

Head of the research project 'ROADWORK: An Anthropology of Infrastructure at China's Inner Asian Borders' and initiator of the exhibition

Social anthropology has been very busy redefining and re-inventing its relationship with museums and with art over the past at least two decades. For a long time, anthropologists and their journeys to places far away from their homes were one of the channels through which museums have expanded their overseas collections of indigenous art and objects of everyday use to be displayed in the exhibition halls in the Global North. Today the relationship between anthropology, museums and art is – to a great degree – a different one. First, the rise of the post-colonial debate has made ethnographic museums to the hot-spots of the debate on ownership, cultural extractivism, and historical justice. Increasing global connectivities have redefined the understanding of 'near' and 'far', and digitalization has transformed access possibilities, making exhibitions available to

new audiences: virtual visitors. But also the relationship between anthropology and art itself is dynamically transforming. Social anthropology and art seem to be getting closer together because there is a lot of potential in this relationship. Conceptual artists and social anthropologists tend to ask questions in a similar way, sometimes they ask similar questions, too, but they work with different sensibilities, execute their projects methodologically differently, and the aim of their work is different, too. This partial overlapping and partial distinction can be a source of inspiration for both.

For me as a social anthropologist, reaching out to art has been part of the quest to break away from the solely textual – and more broadly word-focused – forms of communicating my research and my research findings, and making them understandable and available to non-academic audiences. One of the projects that came out of this quest to expand on the communicative repertoire without compromising on complexity is the diamond Open Access journal *Roadsides* which I co-founded with ten colleagues in 2018. The journal is devoted to the social science studies of infrastructure. With its innovative format of

combining textual interventions with images, videos, audio recordings, drawings and more, we seek to find a balance between words and other means of conveying knowledge.

Another way to learn about other-than-textual means of communicating ideas is by collaborating with conceptual artists. The 'messy' reality that social anthropologists usually encounter in their long-term ethnographic research is not conducive to concise bullet-point presentations – that is why we rather prefer to tell stories that reflect this complexity. But the question is: do we always need all these words? And further, how could we mobilize other registers – visual, acoustic and otherwise sensory – to make our point? What is left of our research when we discard the academic jargon and the ossified form of academic articles? Collaborating with artists and designers, observing how they process the reality, and which tools they choose to reflect on it has been an utterly refreshing and instructive experience.

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ИСКУССТВО

Агнешка Йониак-Лути, Фрибургский университет, Швейцария

Руководитель исследовательского проекта "ROADWORK: Антропология инфраструктуры на границе Китая с внутренней Азией", инициатор выставки

Социальная антропология переосмысляет свои отношения с музеями и искусством, по крайней мере, в течение последних двух десятилетий. Долгое время антропологи и их путешествия в места, удаленные от родных мест, были каналами, благодаря которым музеи пополняли свои коллекции искусства коренных народов в выставочных залах стран Глобального

Севера. К настоящему времени отношения между антропологией, музеями и искусством - в значительной степени поменялись. Во-первых, постколониальный дискурс привел к тому, что этнографические музеи стали темой ожесточенных споров о праве собственности, культурном экстрактивизме и исторической справедливости. Укрепление глобальных связей поспособствовали переосмыслению концепции "ближнего" и "дальнего", а цифровизация повлияла на возможности, сделав выставки доступными для новой аудитории - виртуальных посетителей. Но и сами отношения между антропологией и искусством трансформируются довольно динамично. Социальная антропология и искусство, похоже, становятся ближе друг к другу, поскольку в этих отношениях заложен большой потенциал. Концептуальные художники и социальные антропологи склонны задавать вопросы схожим образом, иногда они задают и похожие вопросы. Но работают они с разной чувствительностью, их подходы к выполнению проектов отличаются методологически и сами работы преследуют разные цели. Это частичное совпадение и различие может стать источником вдохновения для тех и других.

Для меня, как социального антрополога, обращение к искусству стало частью стремления отойти от исключительно текстовых - и в более широком смысле словесных - форм передачи информации о моих исследованиях и их результатах, и сделать их понятными и доступными

для неакадемической аудитории. Одним из проектов, ставших результатом такого стремления расширить коммуникативный репертуар без ущерба для сложности, является журнал открытого доступа *Roadsides*, который мы с десятью коллегами основали в 2018 году. Журнал посвящен социологическим исследованиям инфраструктуры. Благодаря своему инновационному формату, сочетающему тексты с изображениями, видео, аудиозаписями, рисунками и многим другим, мы стремимся найти баланс между словами и другими средствами передачи знаний.

Еще один способ узнать о других возможностях передачи идей - сотрудничество с художниками-концептуалистами. «Сложная» реальность, с которой обычно сталкиваются социальные антропологи в рамках своих долгосрочных этнографических исследований, не располагает к лаконичности презентаций, поэтому мы предпочитаем рассказывать истории, способные отразить эту сложность. Но вопрос в том, всегда ли нам нужны все эти слова? Кроме этого, как нам задействовать другие регистры - визуальные, акустические и сенсорные - чтобы донести нашу мысль? Что остается от нашего исследования, когда мы отбрасываем академический жаргон и застывшую форму научных статей? Сотрудничество с художниками и дизайнерами, наблюдение за тем, как они обрабатывают реальность и какие инструменты они выбирают для ее осмысления, стало чрезвычайно освежающим и поучительным опытом.

THE EXHIBITION

The exhibition Asphalt – Lines and Lives has been born out of this effort to observe and learn. The guiding theme of the exhibition is roads. The focus of the exhibition is closely linked to the research project 'ROADWORK: An Anthropology of Infrastructure at China's Inner Asian Borders' which I have headed since 2018 and which has been based at the Universities of Zurich and Fribourg in Switzerland. Funded by the Swiss National Science Foundation, the project explores how new roads built in course of China's Belt and Road Initiative have transformed the lives of people who live along them. We as a team are interested in how the new roads inscribe themselves in local life-worlds. The ROADWORK team focuses in their research on a diverse range of topics but they all boil down to an attempt to understand the social, cultural, moral, and political complexity of roads.

When developing the idea for this exhibition my aim was to shine the light on roads – a seemingly unpoetic and banal object, which, however, matters immensely in our lives not simply as a sort of conveyor belt for vehicles, people, commodities, animals, viruses, spirits, ideas and other objects and beings. Roads are omnipresent but the emotions they engender, memories related to them, their role in migration, their aesthetics are rarely consciously reflected on. As their users,

we rarely take the time to consider what they actually do with us and to us, how they streamline our mobility, where their quasi-agency to transform people and places comes from, and why we are equally often enthralled and annoyed by what they can do. The aim of the exhibition is to meet virtually the artists from the region at the center of our ethnographic inquiry encompassing northwest and northern China, Mongolia, Kazakhstan and Kyrgyzstan. Unfortunately, we were not able to solicit any art works from the artists in Xinjiang Uyghur Autonomous Region, which was my research site since 2011. The political situation there makes collaboration with artists impossible. This absence of artistic voices from within Xinjiang is a significant silence. We did not try to compensate for it – it is there and should not be concealed. Still, with three interventions on Xinjiang we hope to make this region visible in the exhibition.

All the artistic interventions that make up the Asphalt exhibition are an inspiration to us not only in terms of the language used to reflect on roads and travel, but also as a way to learn about living with, next to, or without roads through the eyes of the artists from the region of broadly understood Inner Asia.

ВЫСТАВКА

Выставка “Асфальт - линии и жизни” родилась из нашего стремления наблюдать и учиться. Главная тема выставки - дороги. Фокус выставки тесно связан с исследовательским проектом “ROADWORK: Антропология инфраструктуры на границе Китая с внутренней Азией”, который я возглавляю с 2018 года и который базируется в университетах Цюриха и Фрибурга в Швейцарии. Проект, финансируемый Швейцарским национальным научным фондом, исследует, как новые дороги, построенные в рамках китайской инициативы “Пояс и путь”, изменили жизнь людей, живущих вдоль них. Нашу команду, интересует, как новые дороги вписываются в местные жизненные реалии. Команда ROADWORK в рамках своих исследований занимается разными темами, но все они сводятся к попытке понять социальную, культурную, моральную и политическую сложность дорог.

Моей целью при разработке идеи этой выставки было пролить свет на дороги - казалось бы,

непоэтичный и банальный объект, который, однако, имеет огромное значение в нашей жизни не только как своего рода конвейер для транспорта, людей, товаров, животных, вирусов, духов, идей и других объектов и существ. Дороги вездесущи, но эмоции, которые они вызывают, воспоминания, связанные с ними, их роль в миграции, их эстетика редко подвергаются сознательному осмыслению. Как их пользователи, мы редко находим время, чтобы подумать о том, что они на самом деле делают с нами и для нас, как они упорядочивают нашу мобильность, откуда берется их квази-агентство по преобразованию людей и мест, и почему нас одинаково часто восхищает и раздражает то, что они могут сделать.

Цель выставки - виртуальная встреча с художниками из региона, находящегося в центре нашего этнографического исследования, которое охватывает северо-запад и север Китая, Монголию, Казахстан и Кыргызстан. К сожалению, нам не удалось получить ни одной работы от художников Синьцзян-Уйгурского автономного региона, где я проводила исследования с 2011 года. Из-за политической ситуации сотрудничество с художниками оттуда стало невозможным. Отсутствие художественных голосов из Синьцзяна — это говорящее молчание. Мы не пытались его компенсировать - оно есть, и его нельзя скрывать. Тем не менее, с помощью трех интервенций, посвященных Синьцзяну, мы надеемся сделать этот регион видимым на выставке.

Все художественные интервенции, которые стали частью выставки “Асфальт”, вдохновляют нас не только с точки зрения языка, используемого для размышлений о дорогах и путешествиях, но и как способ узнать о жизни с дорогами, рядом с ними или без них глазами художников из региона широко понимаемым как Внутренняя Азия.

ACKNOWLEDGMENTS

I would like to convey a very big thank you to all the artists participating in the exhibition, it is an honour for us to host you on the 'Asphalt' platform. Together with the curatorial team, the ROADWORK team will take good care of it to make sure that the exhibition is available online to everyone as long as possible. Second, I would like to thank the curators of the exhibition. I hoped to be able to initiate an exhibition that would be curated by an international team, at least half of which would be from Central Asia itself, and half of which would be made up by women. I dreamed of a team in which senior and junior curators would collaborate on an equal footing. This worked out perfectly. I extend a heartfelt thank you to the four curators - Gosia Biczuk, Aida Sulaimankulova, Ulan Dzaparov and Philipp Reichmuth – for their fantas-

tic work and engagement in this difficult pandemic-dominated year. Further, many thanks to Natalia Andrianova for logo design, Yulya Kyrychenko for graphic and interface design, and Oleksandr Anpilov and his team for implementation.

Third, I would like to thank the ROADWORK project team. The idea of the exhibition and the Call for Artworks which we published in six languages evolved and transformed through our conversations, thus, you should definitely consider yourself co-authors of this exhibition. A big thank you for being creative, inspiring and enthusiastic companions. Last, I thank our generous sponsors: the University of Zurich, the Swiss National Science Foundation and the University of Fribourg. The Financial Departments of all these institutions, and especially Miriam Wohlgemuth from the Department of Social Anthropology and Cultural Studies in Zurich, have done their best to assist us and manage our modest funding effectively. The exhibition is a collective product of many minds and hands, I am very happy to have participated in the process and hope to watch it grow and transform into new forms of online and off-line sociality.

БЛАГОДАР-НОСТИ

Я хотела бы выразить огромную благодарность всем художникам, принявшим участие в выставке. Для нас большая честь принимать вас на платформе “Асфальт”. Вместе с кураторами, команда ROADWORK позаботится о том, чтобы выставка была доступна онлайн для всех желающих ознакомиться с ней как можно дольше. Во-вторых, я хотела бы поблагодарить кураторов выставки. Я надеялась, что смогу организовать выставку, которая будет курироваться международной командой, по крайней мере половина которой будет из самой Центральной Азии, и половина - состоять из женщин. Я мечтала о команде, в которой старшие и младшие кураторы будут сотрудничать на равных. Все получилось идеально. Я сердечно благодарю четырех кураторов - Малгожату Бичик, Аиду Сулайманкулову, Улана Жапарова и Филиппа Райхмута - за их фантастическую работу и участие

во время такого сложного для всех нас года, когда буйствовала пандемия. Хочется отдельно поблагодарить Наталью Андрианову за дизайн логотипа, Юлию Кириченко за графический дизайн и дизайн интерфейса, а также Александра Анпилова и его команду за реализацию проекта.

В-третьих, я хотела бы поблагодарить команду проекта ROADWORK. Идея выставки и конкурс работ, который мы опубликовали на шести языках, развивались и трансформировались в ходе наших бесед, поэтому вы, безусловно, должны считать себя соавторами этой выставки. Большое спасибо за то, что вы были творческими, вдохновляющими и увлеченными соратниками. Наконец, я благодарю наших щедрых спонсоров: Университет Цюриха, Швейцарский национальный научный фонд и Университет Фрибурга. Финансовые отделы всех этих учреждений, и особенно Мириам Вольгемут с кафедры социальной антропологии и культурных исследований в Цюрихе, сделали все возможное, чтобы помочь нам, и эффективно распорядиться нашим скромным финансированием. Эта выставка- коллективный продукт многих умов и рук, и я бесконечно рада, что была частью этого процесса. Надеюсь наблюдать, как она растет и трансформируется во что-то новое в онлайн и офлайн пространствах.

CURATORIAL SECTION ON PROJECTS

The exhibition brings together 17 artworks from artists from different regions of Inner Asia, from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Mongolia, the Uyghur homeland, and Inner Mongolia, as well as perspectives by researchers and artists bringing their own look on the region from outside.

Marat Rayimkulov’s interactive animation takes us to the artist’s adolescence during the transformation of the 1990s, as perceived through a recreation of the daily trips on the trolleybus of Kyrgyzstan’s capital Bishkek. In a similar vein, Shailoo Jekshenbaev uses the materiality of the former airstrip of Bishkek’s old airport to take the viewer to the memory of the dreams of freedom that stood at the beginning of the artist’s career path.

Urban and rural roads and footpaths are the subject of Sonata Rayimkulova's photo essays, as well as Altyn Kapalova's video work, which looks at the everyday roads taken by women in Kyrgyzstan. Meder Akhmetov takes the materiality of Bishkek's roads as a starting point for a postmodern microscopic exploration of the relation between the city and its citizens.

Road infrastructure itself figures prominently in several works. Zoya Falkova’s augmented reality explore how roads bisect nature, while Zulaa Urchuud’s video work investigates the emergence of modern road infrastructure as a spotlight on the history of Mongolia and the gradual sedentarization of the Mongols. Ikuru Kuwajima looks at the mountain highways built through the Pamir mountains of Tajikistan as part of the project of industrializing the hinterland of the Soviet Union. Finally, Fatima Omir’s kaleidoscope videos are dedicated to the roads and connections within Inner Asia themselves.

Roads to the motherland figure prominently in several artworks: Lisa Ross & Mukaddas Mijit’s video work on the Uyghur homeland, as well as Ramil Niyazov’s travel to the Chinese-Kazakh border. Madlen Kobi takes us to a culinary exploration of the ethnic politics of food. In Said Atabekov’s photography, the road becomes a teleological metaphor for the political and social transformation of the Kazakh nation.

Nazira Karimova’s video work takes a look at the human development, through the lens of the Central Asian tradition of the transformation that takes place every 12th year of the life cycle.

Finally, Davaajargal Tsaschikher's audiovisual work leaves the physical world and enters the spiritual realm to explore the spiritual roads of human lives, as does Orna Tsultem's curatorial project with the participation of Mongolian artists Enkhbold Toghmidshiirov, Munguntsetseg Lkhagbasuren and Batzorig Mart.

КУРАТОРСКИЙ ТЕКСТ

Выставка «АСФАЛЬТ: линии жизни» объединяет 17 работ художников из разных регионов Внутренней Азии - Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Уйгурской родины (Синьцзянь-уйгурского автономного район Китая) и Внутренней Монголии, а также художественные проекты исследователей и художников, предлагающих взгляд извне на этот регион.

В фото-серии «Дорога в Рим» Саида Атабекова дорога (и следы на ней) становится телеоло-

гической метафорой как древних караванных путей/ связей между Востоком и Западом, так и знаками современной трансформации казахской нации.

Интерактивная анимация «Додескаден» Марата Раимкулова переносит нас в юность художника в период трансформации 1990-х годов, воспринимаемую через воссоздание ежедневных поездок в троллейбусе №8 по Бишкеку - столице Кыргызстана. Аналогичным образом Шайлоо Джекшенбаев в своем проекте «Старый аэропорт» представляет небольшую историю бывшей взлетно-посадочной полосы старого аэропорта Бишкека (Фрунзе), чтобы перенести зрителя не только в свои давние воспоминания о мечтах, о полете, но и показать изменения, которые происходят в общественном сознании сейчас.

Городские и сельские дороги и тротуары - тема фотоэссе Сонаты Раимкуловой, а также видеоработы «Женские дороги» Алтын Капаловой, в которых рассматриваются повседневные дороги, по которым ходят женщины в отдаленных регионах Кыргызстана. Медер Ахметов в своем проекте «Лежачий полицейский» воспринимает фактурность асфальтовых дорог Бишкека как «живую материю, которая общается с нами на языке вибраций». В своем постмодернистском во многом ироничном исследовании он пытается поведать зрителю разные истории, которые появляются «под ногами». Сама дорожная инфраструктура занимает важное

место в нескольких работах. Видеоролики дополненной реальности Зои Фальковой исследуют, как дороги рассекают природу, а видеоработа Зулаа Урчууд исследует появление современной дорожной инфраструктуры в свете истории Монголии и постепенной оседлости монголов. Икуру Куваджима рассматривает горные дороги и тропы, проложенные через Памирские горы Таджикистана по границе с Афганистаном в рамках проекта освоения внутренних районов Советского Союза. И наконец, калейдоскоп видеороликов Фатимы Омир посвящен дорогам, людям и связям внутри самой Внутренней Азии.

Дороги на родину занимают важное место в нескольких работах: Видеоработы Лизы Росс и Мукаддаса Миджита об уйгурской родине, а также путешествие персонажа из видео «Письма в Восточный Туркестан» Рамиля Ниязова и Ядыкара..... к китайско-казахской границе. Мадлен Коби приглашает нас на кулинарное исследование этнической политики еды.

Видеоработа «Майдын исин шығару» Назиры Каримовой рассматривает развитие человека через призму центральноазиатской традиции трансформации, которая происходит на каждом 12-м году жизненного цикла. Наконец, аудиовизуальная работа «Сон в Шамбале» Даваажаргала Цацхихера представляет Духовное путешествие к мировому энергетическому центру: Монастырю Хамар, в провинции

Дорногови, Монголия. Кураторский проект Орны Цултем с участием монгольских художников Энхболда Тогмидшиирева, Мунгунцэцэга Лхагбасурэна и Батзорига Марта это визуальное повествование об изменениях, происходящих в результате разделения и переплетения городской и сельской реальностей.

Приглашаем вас отправиться в путь вместе с нами.

CURATORS

Gosia Biczuk

Anthropologist, Central Asian art and culture admirer

I am here because I believe that art has a great power to connect people's lives. And I believe that it is what we need now more than ever – a moment of break to meet along the road, a symbolic tea time to listen to each other, to understand our different, and yet fundamentally similar paths.

Ulan Djaparov

Architect of the MUSEUM studio, independent curator of contemporary art

I got engaged in "Asphalt" because of the friendly relationship with the curatorial group: Gosia, Philipp, Aida. Also, there is an opportunity to look at the situation in our region in different optics, in the context of different concepts of "Central Asia" or "Inner Asia" that include the republics of Central Asia, Mongolia and some regions of China. Interesting new characters, discoveries, projects, connections.. I wonder what constellation of artworks and the artists will turn out in our joint project.

Philipp Reichmuth

Researcher, consultant, art manager in Central Asian projects

Two things got me interested in "Asphalt" – how roads appear and disappear and shape the lives and fates of Central Asian countries, peoples and people; and how they connect them, shifting the gaze from nations and their differences towards what they have in common and how they are affected by similar fates.

Aida Sulovaeichmuth

Art Producer, Curator

I came to participate in Asphalt project to reconnect with Central Asian art scene and to discover new artists from China and Mongolia. Taking new roads, starting new journeys, hearing the sound of feet walking are the signs of life full of discoveries, curiosity, and freedom.

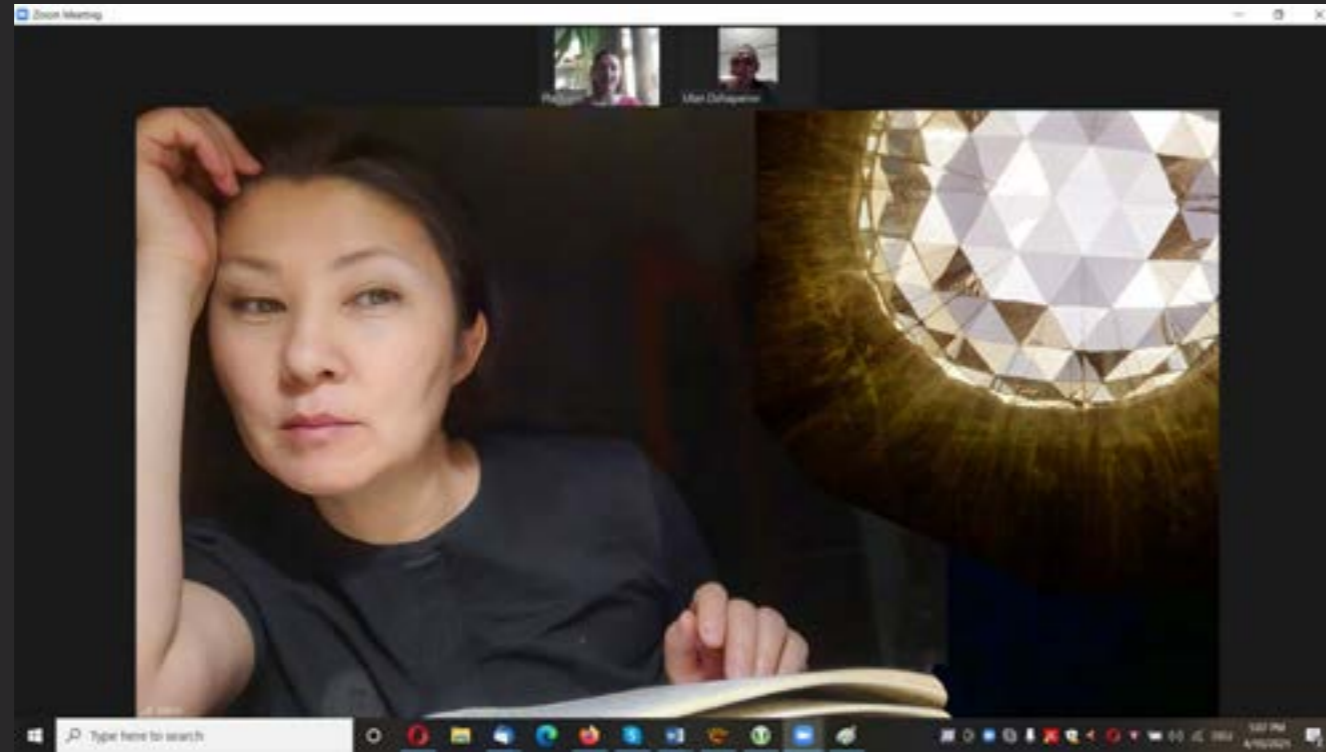

PROJECTS

FATIMA OMIR

Fatima Omir is a Kazakhstani artist with a classical education in painting. Her versatile art expression spreads out from classically impressionist oil landscapes and portraits, to performative art, video art and sophisticated animal art. Critical topics of connectivity, human relation, human animal relation, but also deconstruction of common myths of capitalism and of political heroes are among the topics coming back in her art in last years. A giant tumbleweed with an inbuilt kaleidoscope could become one of her iconic works, symbolizing constant search for new artistic landscapes and new eyes to look at the reality around her.

Фатима Омир, казахстанская художница с классическим образованием в живописи. Ее разностороннее художественное выражение распространяется от масляных пейзажей и портретов до перформативного искусства, видеоарта и искусства с использованием животных (ни одна улитка не пострадала!). Критические темы взаимосвязи, человеческих отношений, отношений между людьми и животными, а также разрушение общих мифов о капитализме и политических героях являются одними из тем, которые возвращаются в ее искусство в последние годы. Гигантский

перекати-поле со встроенным калейдоскопом может стать одним из ее культовых произведений, символизируя постоянный поиск новых художественных ландшафтов и новых глаз, чтобы взглянуть на реальность вокруг нее.

ФАТИМА
ОМИР

JOURNEYS OF PERCEPTION

I am the Kanbak, the Tumbleweed, who moves driven by the winds of life through time and space. One may speak of postcoloniality, of a Central Asian society made up of tumbleweed individuals who have broken away or been torn from their roots, traveling downwind in search of a new home. But the history of civilization tells us that population migrations have occurred throughout the world even before the latest colonizations. And after them, in our later times, before the pandemic, people were not restricted to moving around the world, migrating and emigrating. Although temporarily the pandemic has slowed down these flows of travelers, on the other hand it has sharpened the desire of some to change their place of permanent residence dramatically, and some may have realized that there is really nowhere to go.

I, just like any other person, have a prism of perception, which is always with me, and of course I am not always aware of it, but usually going somewhere on a trip, I take a portable X-eidoscope with me to capture the reality of my movements through the prism.

Fatima Omir

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВОСПРИЯТИЯ

Я тот самый Канбак (перекати-поле) - который движется гонимый ветром жизни во времени и пространстве. Можно говорить о постколониальности, о том, что общество Центральной Азии состоит из личностей-перекати-поле оторвавшихся или оторванных от корней, путешествующих по ветру в поисках нового пристанища, но история цивилизации говорит о том, что миграции популяции людей происходила по всему миру и до последних колонизаций. И после них, в наши последние времена, до пандемии, люди были не ограничены в перемещениях по миру, мигрировали и эмигрировали. И хоть временно пандемия притормозила эти потоки путешествующих, но с другой стороны обострила желание некоторых поменять место постоянного

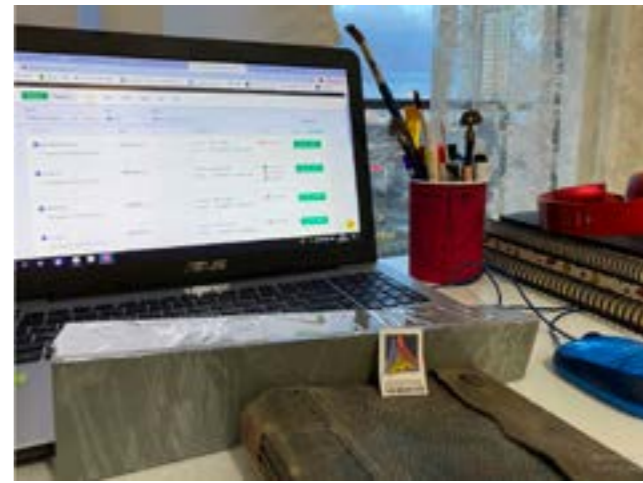
пребывания кардинально, а кто-то возможно осознал что, бежать собственно некуда.

У меня, так же, как и у любого другого человека, есть призма восприятия, которая всегда со мной, и я конечно не всегда это осознаю, но обычно направляясь куда-нибудь в поездку, беру Портативный X-ейдоскоп с собой, чтобы отснять реальность своих передвижений через призму. I, just like any other person, have a prism of perception, which is always with me, and of course I am not always aware of it, but usually going somewhere on a trip, I take a portable X-eidoscope with me to capture the reality of my movements through the prism.

QR CODE

Short videos made with use of caleidoscope / Серия коротких видеороликов, снятых с помощью калейдоскопа

SONATA RAYIMKULOVA

Born in 1996 in Bishkek, Kyrgyzstan. She is an artist working in black and white graphics, sculpture and animation. She was a member of creative group 705.

“I am interested not only in drawing, but also in animation and sculpture. They let me enter into a kind of dialogue with the outside world, to broadcast experiences, and to reflect on what is happening. Therefore, I am interested in topics related to the formation of a person, their existence and interaction not only with society, but also with the space in which they live. Also how we work with our memories.”

СОНАТА РАЙЫМКУ- ЛОВА

Родилась в 1996 году в Бишкеке, Кыргызстан. Художница, работающая в черно-белой графике, скульптуре и анимации. Являлась членом творческой группы 705.

“Меня интересует не только рисунок, но и анимация и скульптура. Они позволяют мне вступать в своеобразный диалог с внешним миром, транслировать переживания и размышлять о происходящем. Поэтому меня интересуют темы, связанные с формированием человека, его существованием и взаимодействием не только с обществом, но и с пространством, в котором он живет. А также то, как мы работаем со своей памятью”.

IDENTIFYING A LEADER

“Identifying a leader” is a short study about people and feelings. When I was a kid, going outside in winter and seeing someone’s footprints made me feel better and I tried to walk straight ahead so I wouldn’t end up knee-deep in snow, these well-trodden paths made me feel safe and I never thought about being in the wrong place, I always knew that they would take me exactly where I was supposed to be. And then on my way back from school and seeing that barely visible dotted line turn into a thick black line, I felt like I had made the right choice. Occasionally someone would stray off the road, and their narrow path would seem incongruous and out of place.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРА

“Выявление лидера” - это небольшое исследование о людях и ощущениях. В детстве выйдя на улицу зимой и увидев чьи-то следы мне становилось спокойнее, и я старалась идти прямо по ним чтобы не оказаться по колено в снегу, эти протоптанные пути говорили о надёжности дороги, и идя по ним я никогда не думала о том, что могу вдруг оказаться не там, я всегда знала, что они приведут меня именно туда где я должна быть. А затем возвращаясь со

школы и видя, как та едва видная пунктирная линия превращалась в жирную черную полосу, я ощущала, что сделала правильный выбор. Порой кто-то сбивался с дороги, и его узенькая тропинка казалась мне несуразной и неуместной.

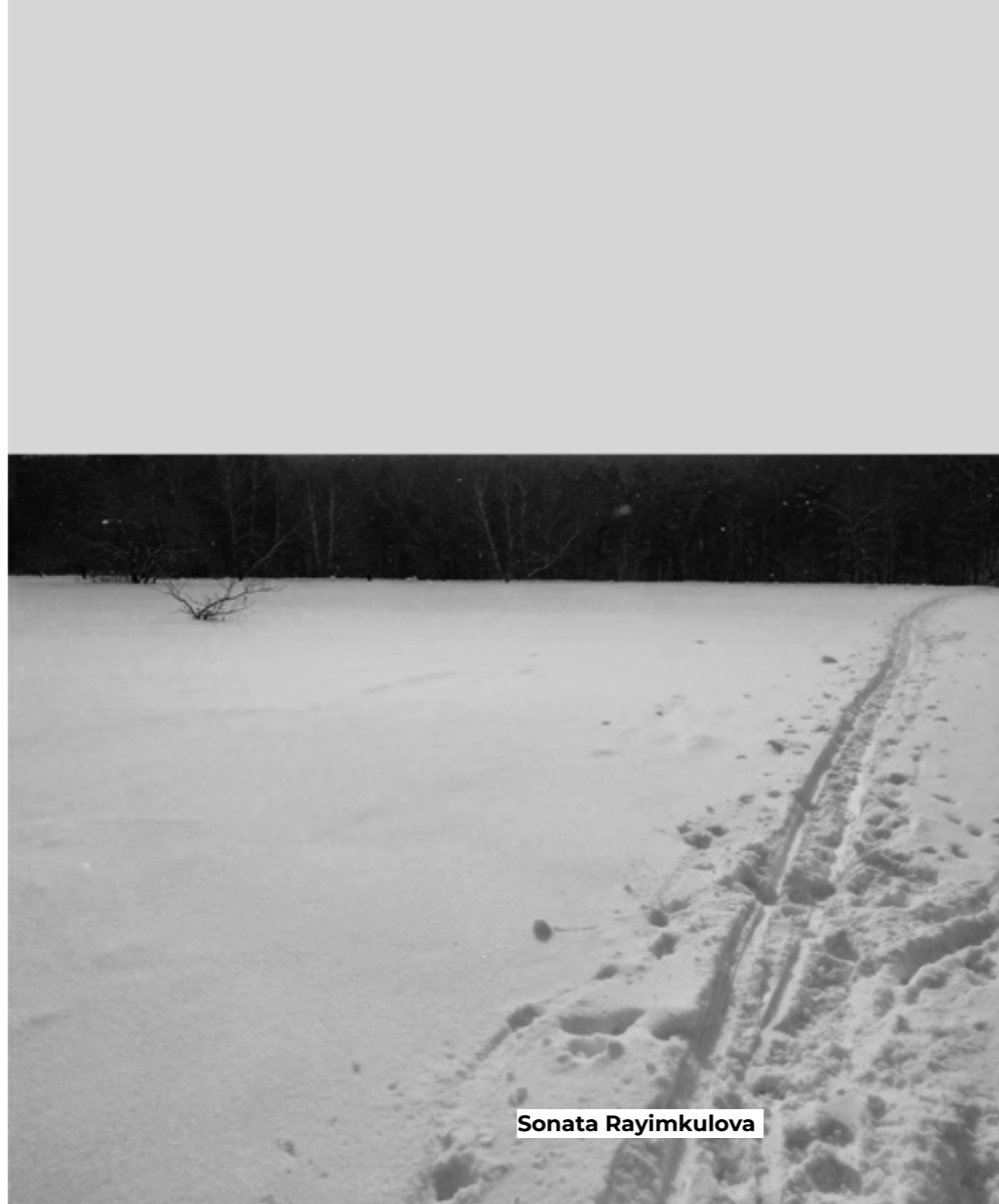
Sonata Rayimkulova

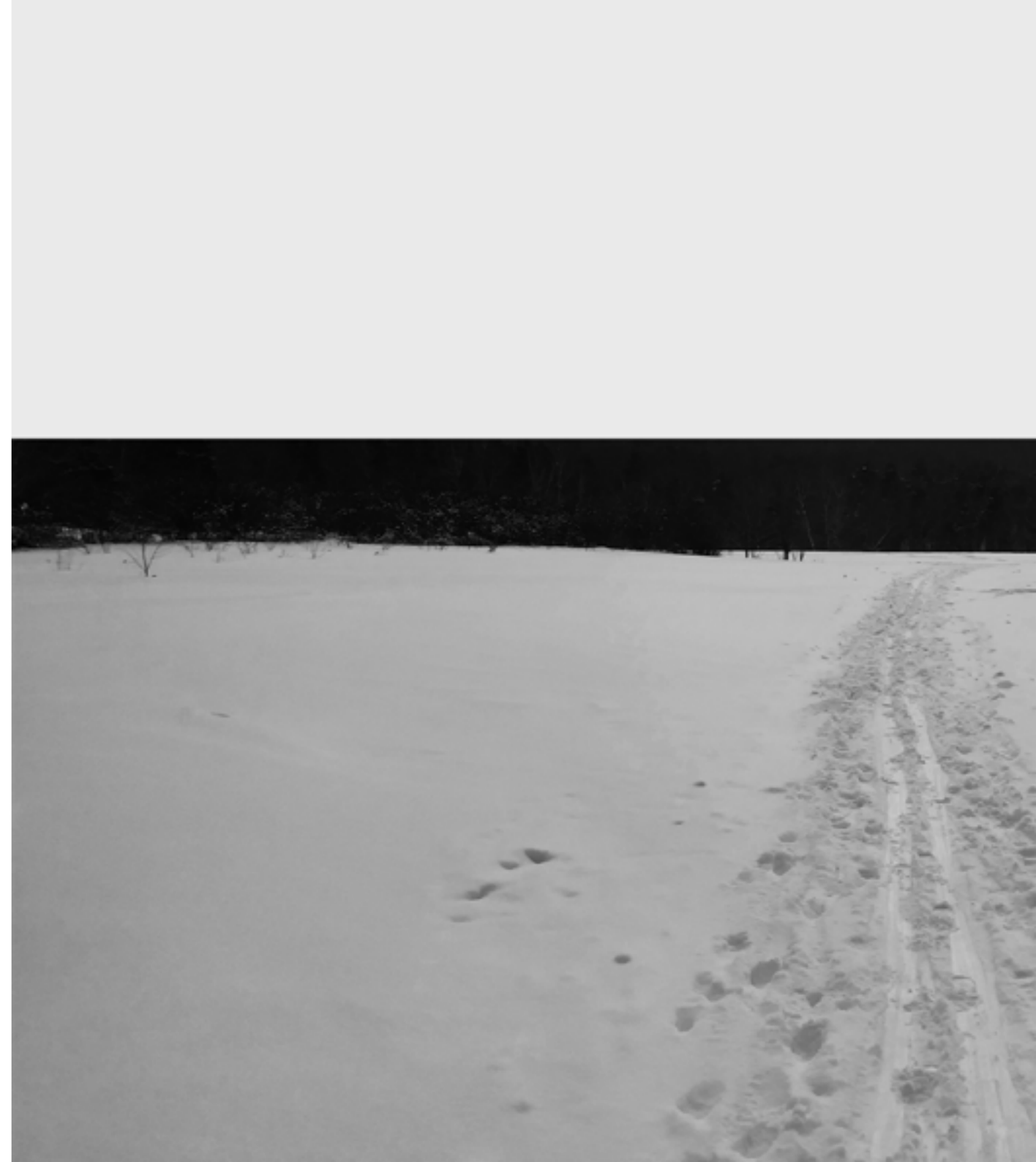
Sonata Rayimkulova

Sonata Rayimkulova

Sonata Rayimkulova

Sonata Rayimkulova

Sonata Rayimkulova

Sonata Rayimkulova

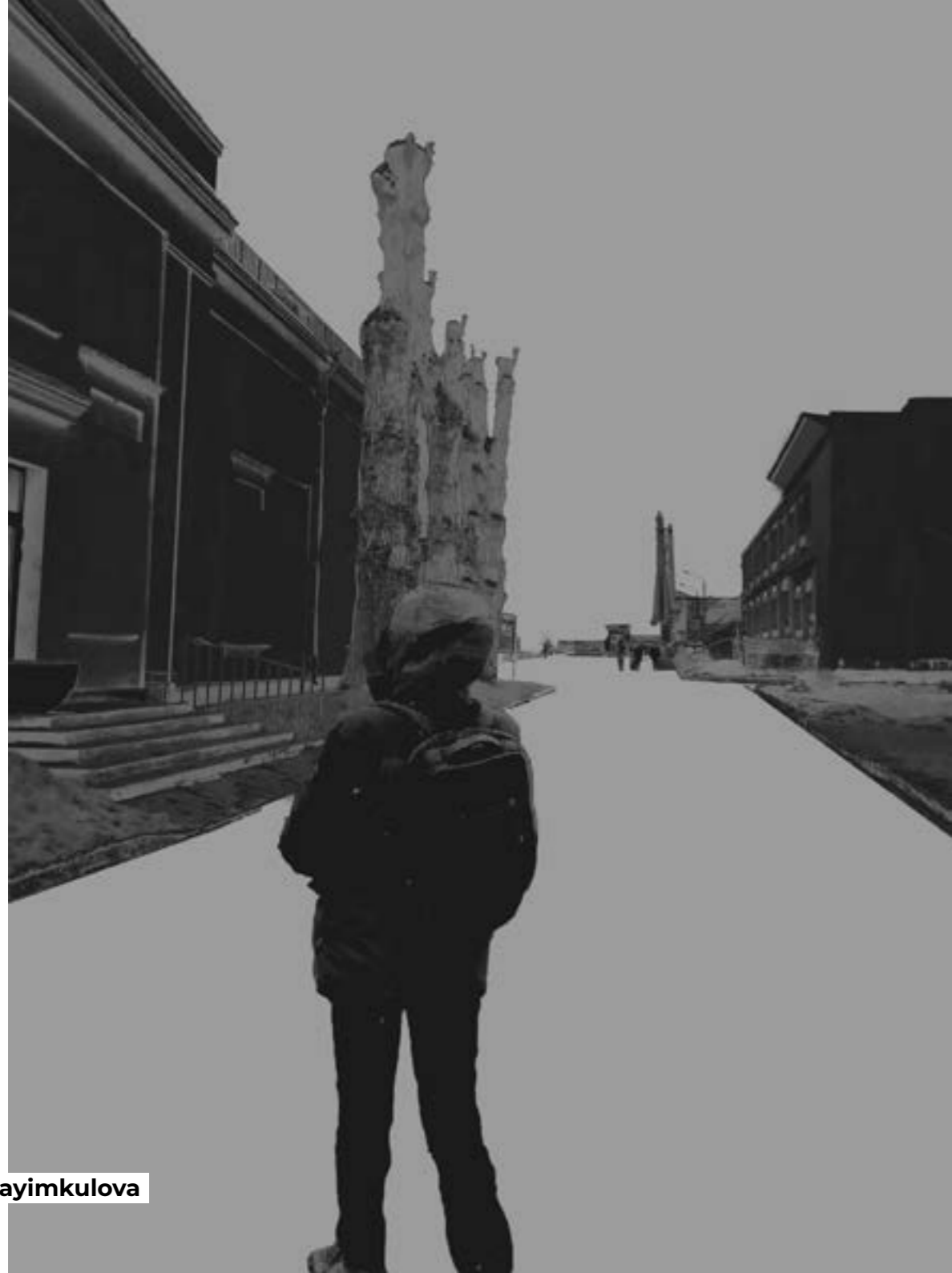
Морозное утро, все пока сонно и сумрачно, солнце только планирует появиться где-нибудь на горизонте. И все что я вижу это лишь белое, рыхлое полотно, кое как брошенное на забытые людьми предметы. Оно словно прошито мелкими черными стеж-ками которые непонятно где начались и не ясно куда они тебя приведут.

Мне всегда было интересно чьи же это следы? взрослого человека или подростка, женщины или мужчины и куда он идет?

Почему еще меня привлекают эти следы, так это потому что по ним я могу увидеть насколько-ко безопасен этот маршрут, никогда не знаешь, что скрывается под этим бархатным одеялом, и как глубоко ты можешь в него провалиться. Идя так я вижу чужие оплошности и могу их избежать.

Sonata Rayimkulova

В детстве я ходила так за братом, точно зная что все его шаги верные и я вряд ли споткнусь или упаду.

Иногда мне все же удавалось встретиться с людьми лицом к лицу, услышать их диалоги, они всегда были о чем-то насущном, о ценах, но чаще всего о других таких же людях, которых они обсуждали и осуждали.

Sonata Rayimkulova

Sonata Rayimkulova

Sonata Rayimkulova

ZULAA URCHUUD

Zulaa Urchuud was born in Ulaanbaatar in 1991.

In 2016, she graduated from Fine Art Institute of Mongolia with the major in graphic arts and designer. Since 2016, she's been making video arts and media art installations.

Since 2016, she's been working as a freelance artist. Starting 2017, she's been working as a main designer of Golden Ger International Film Festival of Mongolia.

ЗУЛАА
УРЧУУД

Зулаа Урчууд родилась в Улан-Баторе в 1991 году. В 2016 году окончила Институт изобразительного искусства Монголии по специальности "Графическое искусство и дизайнер". С 2016 года снимает видеоарт и медиа-арт инсталляции. С 2016 года работает как свободный художник. С 2017 года работает главным дизайнером Монгольского международного кинофестиваля "Золотой Гер".

NOMADTITUDE

Using footage from socialist era Mongolia, this video art deals with the nomadic people's transitioning from their lifestyles into urbanization... A changing of roads throughout years and the movement of people from all across the country to the cities... A timeline of changing physical and spiritual paths. Primary instincts of the nomads, such as having a deep respect for natural surroundings, were forcefully replaced by having to think of society and commonwealth in accordance with socialist dogmas and later capitalist machinations. This work presents the roads taken and not taken by the Mongolian nomads up until now.

For generations nomadic people of Mongolia were moving from one site to another depending on the weather and animal conditions. Before choosing the way and direction, they meditate, looking for guidance from the environment. This visual art will present the roads taken and not taken by nomads. Although nomadic ways of life were part of our culture for thousands of years, recent urbanization and modernization of life is changing the attitudes of Mongols. Since 1920 and the rise of Communism in Mongolia people started to learn and embrace living in communities and neighborhoods. Thanks to socialist developments, countryside Mongolians started flocking to capital city for permanent settlement.

Zulaa Urchuud

With the settled way of living, came the need to adapt behaviors such as being responsible for public property, communication and co-existing with fellow citizens. All these posed great and novel changes for Mongolians; however, they also stayed true to nomadic values and consciousness.

1989 brought democracy to young modern Mongolia, with free markets and a parliamentary system. This sudden transition shaped generations of Mongolians trying to adapt to yet another new system. This period marks extreme social divisions and disparity. It's safe to state that average Mongolians, who came of age during this period, have different points of view, mentality and attitudes compared to Millennials and Gen Z.

Primary instincts, such as living with the nature and having deep respect for natural surroundings, were forcefully replaced by having to think of society and common wealth in accordance with socialist dogmas.

This was followed by democratic regulations of society with human rights in the center and free will. As a result Mongolians followed many paths and crossroads, developing into people with different points of views, mentality and values. Globalization and immediate connection to modern world through internet, as well as travelling abroad is the next highway for ever changing Mongolian society.

I was born and raised in Ulaanbaatar, thus I am far distanced from nomadic mentality; occasionally this causes minor misunderstanding and differences

between me and my friends; between city folks and countryside folks. The artwork presents the changing roads and paths of Mongolian mentality from perspective of city-born girl.

NOMAD- TITUDE

Используя кадры из Монголии времен социализма, этот видеоарт рассказывает о переходе кочевого народа от своего образа жизни к урбанизации... Смена дорог на протяжении многих лет и перемещение людей со всей страны в города... Хронология изменения физических и духовных путей.

Первичные инстинкты кочевников, такие как глубокое уважение к окружающей природе, были насильно заменены необходимостью думать об обществе и содружестве в соответствии с социалистическими догмами, а затем и капиталистическими махинациями. В этой работе представлены пути, пройденные и не пройденные монгольскими кочевниками до настоящего времени.

Проект будет представлять собой короткометражное визуальное искусство, показывающее переход кочевых людей и их образ жизни в урбанизацию. Художница будет использовать архивные аудиовизуальные материалы Монгольского института видеоарта для манипулирования, редактирования и создания конечного результата в соответствии со своим видением. Сюжет представит изменение дорог на протяжении многих лет и перемещение людей по стране и городу. Временная шкала изменения физических и духовных путей. Мультимедийный сюжет будет представлять собой историю, связывающую все жизни в прошлом и будущем. Будут использованы черно-белые и цветные кадры, экспериментальные кадры, изображающие будущее, в сочетании со звуком.

На протяжении многих поколений кочевые народы Монголии переходили с одного места на другое в зависимости от погоды и состояния животных. Прежде чем выбрать путь и направление, они медитируют, ища подсказки у окружающей среды. Это изобразительное искусство представит дороги, по которым ходят и не ходят кочевники.

Хотя кочевой образ жизни был частью нашей культуры на протяжении тысяч лет, недавняя урбанизация и модернизация жизни меняет взгляды монголов. С 1920 года и приходом коммунизма в Монголии люди начали учиться и принимать жизнь в общинах и кварталах.

Zulaa Urchuud

Благодаря социалистическому развитию, сельские монголы начали стекаться в столицу на постоянное место жительства.

Вместе с оседлым образом жизни появилась необходимость адаптации таких моделей поведения, как ответственность за общественное имущество, общение и сосуществование с согражданами. Все это привело к большим и новым изменениям для монголов, однако они также остались верны ценностям и сознанию кочевников.

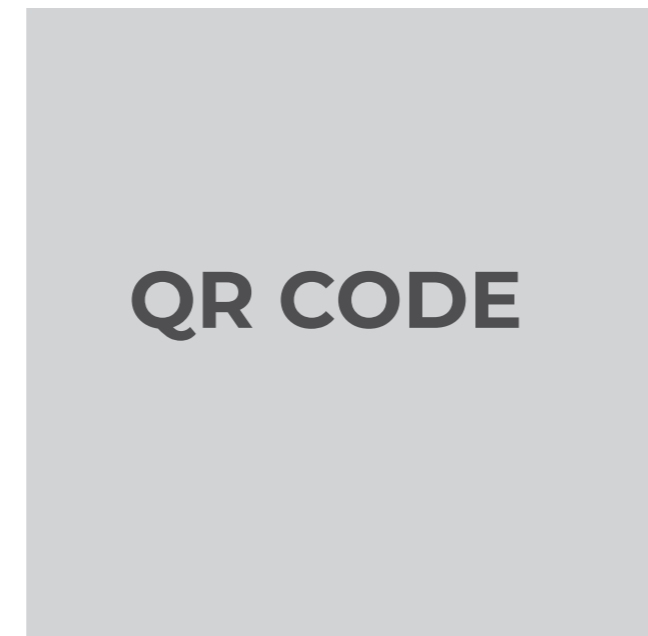
1989 год принес молодой современной Монголии демократию, свободные рынки и парламентскую систему. Этот внезапный переход сформировал поколения монголов, пытавшихся приспособиться к еще одной новой системе. Этот период ознаменовался крайним социальным разделением и неравенством. Можно с уверенностью утверждать, что среднестатистические монголы, достигшие совершеннолетия в этот период, имеют иные точки зрения, менталитет и отношение к жизни, чем Миллениалы и поколение Z.

Первичные инстинкты, такие как жизнь с природой и глубокое уважение к естественному окружению, были насильно заменены необходимостью думать об обществе и общем богатстве в соответствии с социалистическими догмами.

За этим последовало демократическое регулирование общества с правами человека в

центре и свободой воли. В результате монголы прошли множество путей и перекрестков, превратившись в людей с разными взглядами, менталитетом и ценностями. Глобализация и непосредственная связь с современным миром через Интернет, а также путешествия за границу - это следующая магистраль для постоянно меняющегося монгольского общества.

Я родился и вырос в Улан-Баторе, поэтому я далек от менталитета кочевников; иногда это вызывает небольшие недопонимания и разногласия между мной и моими друзьями, между городскими и сельскими жителями. В этом проекте я хотела представить меняющиеся дороги и пути монгольского менталитета с точки зрения девушки, родившейся в городе.

Video based on archival materials / Видео на основе архивных данных

Zulaa Urchuud

MARAT RAYIMKULOV

Born in 1984. Member of the group 705 since 2005. I have been making short animations since 2006. My animations were shown in the Central Asia pavilion at the Venice Biennale in 2011 and at the exhibition "Die Grenze" ("Border", 2015-2019). Since 2014, he has co-organised the Bishkek April Fools' Competition. In 2020 he published a series of notebooks "Testament" about the artistic environment in Bishkek.

МАРАТ РАЙЫМКУЛОВ

Родился в 1984г. Участник группы 705 с 2005 г. Делаю короткие анимации с 2006 г. Анимации были показаны в павильоне Центральной Азии на Венецианском биналле в 2011г. и на выставке "Граница" (2015-2019гг). С 2014г. организатор бишкекского первоапрельского конкурса. В 2020 г. выпустил серию тетрадей "Завещание" о художественной среде в Бишкеке.

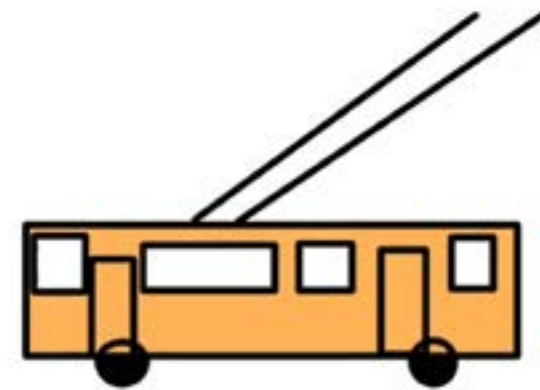

DODESKADEN

Two points in Bishkek are connected by a rather long trolleybus route number 8. All through the 1990s, my brother Timur and I would take this trolleybus on weekends and make the almost hour-long journey from Pishpek station to the East Bus Station. We would sit by the window, looking at passers-by, at the cars, imagining ourselves as the trolleybus driver. It so happened that most of the stops on this trolleybus route involved a life where one faith was replaced by many other beliefs, religions and rituals.

ДОДЕСКАДЕН

Две точки города Бишкек соединяет достаточно длинный троллейбусный маршрут №8. Все 90-ые я и мой брат Тимур в выходные дни садились на этот троллейбус и проделывали почти часовое путешествие от станции «Пишпек» до Восточного автовокзала. Мы садились у окна, всматривались в прохожих, в машины, представляли себя водителем троллейбуса. Так получилось, что большинство остановок этого троллейбусного маршрута было связано с жизнью, когда одна вера сменялась множеством других поверий, религий и ритуалов.

QR CODE

Video game

Marat Rayimkulov

MEDER AKHMETOV

Master's Degree in Architecture DIA Dessau Institute of Architecture (Dessau, Germany), Diploma in Architecture & Design at Kyrgyz State University of Construction, Transportation and Architecture. Artist, architect at MUSEUM studio, based in Bishkek, Kyrgyzstan.

МЕДЕР АХМЕТОВ

Степень магистра архитектуры DIA Dessau Institute of Architecture (Дессау, Германия), диплом по специальности "Архитектура и дизайн" Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры. Художник, архитектор студии MUSEUM, базирующейся в Бишкеке, Кыргызстан.

SPEED BUMP

The asphalt is the vibrant matter - it communicates with us with the language of vibrations. I am the artist-the translator (shaman). My art tools - my "podrisuiki" are the mediators. They help me and you to develop and read the ideas of what the asphalt vibrant agency is telling us in indirect way. The road under my feet tells the story. Let's read it together.

Meder Akhmetov

ЛЕЖАЧИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Асфальт - это живая материя - он общается с нами на языке вибраций. Я - художник - переводчик (шаман). Мои художественные инструменты - мои "подрисуйки" - являются посредниками. Они помогают мне и вам развивать и читать идеи того, о чем нам косвенно сообщает асфальтовое вибрирующее полотно.

Дорога под моими ногами рассказывает историю. Давайте прочитаем ее вместе.

ESSAY 1. EMERGING STORY OF ASPHALT.

Meder Akhmetov

Meder Akhmetov

Meder Akhmetov

Meder Akhmetov

ESSEY 2 FOR THE ADULTS: ROAD GHOSTS

boy has matured, or so it seemed to him

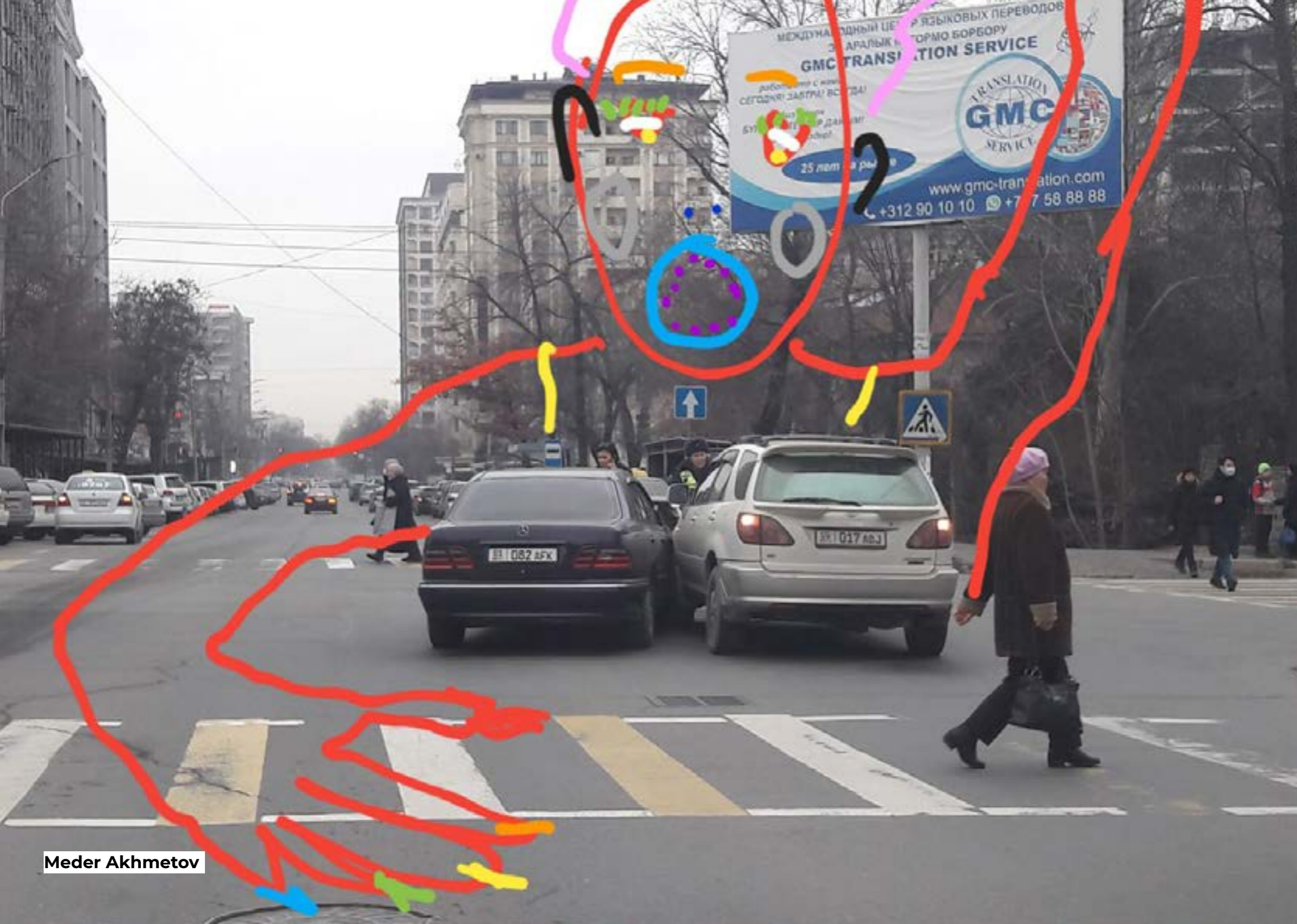
Meder Akhmetov

And the roads became different

Meder Akhmetov

Meder Akhmetov

Photography, digital drawings / Фотография, цифровая графика

Meder Akhmetov

DAVAAJARGAL TSASCHIKHER

Davaajargal Tsaschikher (DVJRGL) is one of the leading contemporary artists of Mongolia, who profoundly influenced in the development of sound and media art in Mongolia. In the past he was invited to take part of numerous important international art exhibitions such as 57th Venice Art Biennale (Italy), Today Art Festival (Holland), Taipei Dangdai (Taiwan) and others. His works have been displayed in over 40 exhibitions in his home country and abroad, collaborated with Mongolian traditional musicians and artists from France, Germany, Belgium, Bulgaria, Taiwan and USA.

Davaajargal is also vocal and musician of well-known Mongolian ethno rock-n-roll band Mohanik. Mohanik has invited numerous music festivals and showcases in Mongolia, Russia, China, Korea and Japan. "Mohanik @ Amarbayasgalant" (2013), which is their second album, was highly influenced by Mongolian traditional melodies and modern rock elements combined with Nomadic philosophy. Davaajargal is one of the founding members of contemporary art movement "Human – Nature – Love - Freedom" (2013). The artists' collective has been part of over 20 exhibitions, mostly with his sound compositions, installations and mixed media works.

ДАВААЖАРГАЛ ЦАСЧИХЕР

Даваажаргал Цасчихер (DVJRGL) - один из ведущих современных художников Монголии, оказавший глубокое влияние на развитие звукового и медиа искусства в стране. Он принимал участие в многочисленных важных международных художественных выставках, таких как 57-я Венецианская художественная биеннале (Италия), Today Art Festival (Голландия), Taipei Dangdai (Тайвань) и других. Его работы были представлены на более чем 40 выставках на родине и за ее пределами, в сотрудничестве с монгольскими традиционными музыкантами и художниками из Франции, Германии, Бельгии, Болгарии, Тайваня и США.

Даваажаргал также является вокалистом и музыкантом известной монгольской этно-рок-н-рольной группы Моханик. Моханик выступали на музыкальных фестивалях и шоу в Монголии, России, Китае, Корее и Японии. Второй альбом "Моханик @ Амарбаясгалант" (2013) создан под влиянием монгольских традиционных мелодий и элементов современного рока в сочетании с философией кочевников. Даваажаргал является одним из основателей движения современного искусства "Человек - Природа - Любовь - Свобода" (2013). Коллектив художников участвовал в более чем 20 выставках, в основном со своими звуковыми композициями, инсталляциями и смешанными медиа работами.

DREAM IN SHAMBALA

I avoid "knowing too much", environmental information, and everything that is being wasted day by day. Technological and economic evolution in this contemporary life is too fast and powerful, but too dangerous... While constantly realizing that we are living in such a day, creative experiments are taking place in the midst of the discovery of "our" root data. It is thought that human intuition and spirituality awaken in a deep state of disconnection from any environment. Those moments feel alive. What bring it to that state, according to the artist, are the moment, the process of creation, and the phenomenon of bringing others into that cycle. Consciousness and unconsciousness, madness and peace, yin yang... There is no limit, but if it is already there, it becomes polarization. My work focuses on the process of finding balance in these many dimensions, or of breaking down an abstract system that seems to be balanced.

Mongolia's Gobi is spiritual, mysterious and fabulous. This place is known as the ancient seabed of our planet, the cradle of history, the "energy center" and the "land of Shambhala". This piece is an experimental video or short film that might combine nomadic wisdom with contemporary language. Where do nomadic minds migrate today

Davaajargal Tsaschikher

in the midst of ever-changing natural challenges? Migrating with what? Will it exist in the midst of contemporary mindset? Or wander after them? Or try to maintain a unique nomadic mentality and communicate with humanity in a modern way? In the midst of such reflections, you can feel the inner explosion, the anxiety, and the meditation to focus on the emptiness.

СОН В ШАМБАЛЕ

Я избегаю большого потока экологической информации и повседневного шума. Технологическая и экономическая эволюции происходят слишком быстро и таят в себе большую опасность... Постоянно осознавая, что мы живем в такое время, когда творческие эксперименты происходят в разгар открытия "наших" ключевых данных.

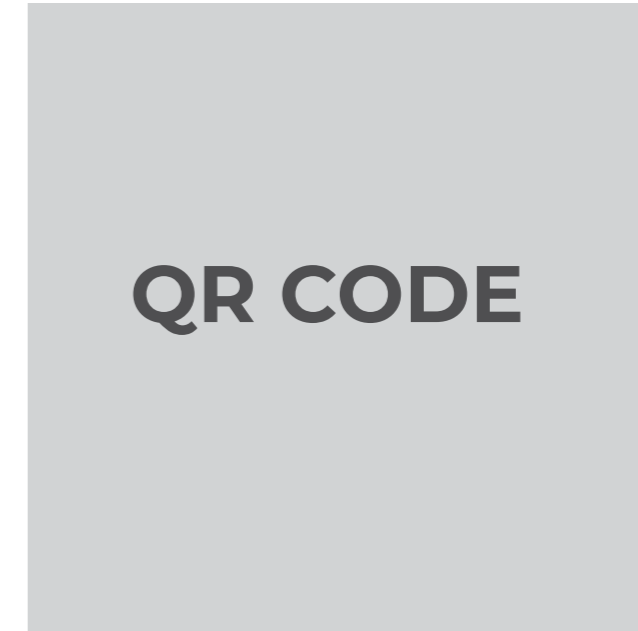
Считается, что человеческая интуиция и духовность пробуждаются в глубоком состоянии отключения от любого окружения. В эти моменты человек чувствует себя живым. В это состояние, по мнению художника, приводят сам момент, процесс создания и феномен вовлечения других в этот цикл. Сознание и бессознательное, безумие и покой, инь-янь... Предела нет, но если он и есть, он становится поляризацией. Моя работа сосредоточена на процессе поиска баланса в этих многочисленных измерениях или на разрушении абстрактной системы, которая кажется сбалансированной.

Пустыня Гоби в Монголии - духовное, таинственное и сказочное место. Это место известно как древнее дно нашей планеты, колыбель истории, "энергетический центр" и "земля Шамбалы". Эта работа представляет собой экспериментальное видео или короткометражный фильм, в котором мудрость кочевников сочетается с современным языком. Куда мигрируют кочевые умы сегодня, посреди постоянно меняющихся природных вызовов? Миграция с чем? Сможет ли он существовать среди современных умонастроений? Или блуждать вслед за ними? Или попытаться сохранить уникальный менталитет кочевника и общаться с человечеством на современный лад? Посреди таких размышлений можно почувствовать внутренний взрыв, тревогу и медитацию, чтобы сосредоточиться на пустоте.

Video / Видео

Davaajargal Tsaschikher

IKURU KUWAJIMA

Ikuru Kuwajima is a Moscow-based artist, photographer, videographer, writer and translator, originally from Japan and educated in the University of Missouri, Columbia, as a photojournalism major. In the past 11 years, he has been living and working on personal projects in several Eastern European and Central Asian countries (Romania, Ukraine, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Russia). He is fluent in Japanese, Russian and English.

ИКУРУ КУВАДЗИМА

Икуру Кувадзима - художник, фотограф, видеограф, писатель и переводчик, родом из Японии, получивший образование в Университете Миссури, Колумбия, по специальности "фотожурналистика". Последние 11 лет он живет и работает над своими проектами в нескольких странах Восточной Европы и Центральной Азии, включая Румынию, Украину, Кыргызстан, Казахстан и Россию. Свободно владеет японским, русским и английским языками.

TRAIL

I traveled to the Pamir mountains of eastern Tajikistan in the winter, going up and down the rugged road by car in the high mountains along the Panj river that formed hundreds of kilometers of the border with Afghanistan, which was literally within a stone's throw for many, many hours. From this Tajik side, I kept seeing the thin endless trail on the Afghan side.

On that trail, "Afghans" have been traveling on foot and donkeys from village to village, from generation to generation, from century to century. Maybe, Alexander the Great or Marco Polo, who travelled in the region centuries ago, may also have taken the same path. The two sides of the valley in the isolated mountains were artificially divided by the narrow river, as a result of the Great Game between the Russian and British Empires in the late 19th century. And today, they are still divided – between Afghanistan and Tajikistan. On the Afghan side, it looked as if time has frozen.

Driving along the natural border, the scenery of the thin trail seemingly lasts forever. Taking in this view transports me through time and space – as if by time-machine – to a scene from a distant past. My reverie lasts along the long old trail until my consciousness fades into the snowy valleys of High Asia.

Ikuru Kuwajima

ТРОПА

Зимой я был в памирских горах в восточном Таджикистане. В течение долгих часов я поднимался и спускался на машине по труднопроходимой дороге вдоль реки Пяндж, образующей сотни километров границы с Афганистаном, находившимся буквально в двух шагах. С таджикской стороны я постоянно видел тонкую бесконечную тропу на афганской стороне.

По этой тропе "афганцы" ходили пешком и путешествовали на ослах из кишлака в кишлак, из поколения в поколение, из века в век. Возможно, Александр Македонский или Марко Поло, путешествовавшие по этому региону много веков назад, тоже ходили по этой тропе. Долина в горах была искусственно разделена на две части

узкой речкой в результате Большой игры между Российской и Британской империями в конце XIX века. Сегодня она все еще разделена - между Афганистаном и Таджикистаном. Кажется что время застыло на афганской стороне.

Когда едешь вдоль естественной границы, тонкая тропы, кажется, тянется вечно. Любуясь этими видами, я переносюсь сквозь время и пространство - словно на машине времени в сцены из далекого прошлого. Мое сознание блуждает вдоль старой тропы, пока не исчезает в снежных долинах Высокой Азии.

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Ikuru Kuwajima

Photography / Фотография

NAZIRA KARIMI

Nazira Karimi's work exists on the intersections of diverse media such as digital performance, installation, and video.

The relation to the stereotypes of female identity represented in modern realities, as well as the critical reflection on concepts of cultural territories is an issue of her work as the artistic mode of cooperation and by that questioning the concept of ethnographically coded identities.

Karimi often uses her own body mixing its parts with animation and sound to question alienation and the concept of identity.

Her work was featured in venues and exhibitions such as Vienna Wrong Biennale, Aspan Gallery, ARTBAT FEST, FemAgora, as well as Tselinny Center of Contemporary Culture in Almaty, Kazakhstan.

“Since early childhood, which I spent in Dushanbe, I associated the number 40 with rituals.

40 days after birth, 40 days after death, 40 steps of purification in the necropolis of Shahi Zinda in Samarkand. For this work, I have assembled a handmade analog pinhole camera that uses the camera obscura technology mentioned in arab sources and works of Alhazem of the X century. I use photography not as a tool for documenting, but as a magic device, the purpose

of which is to fix the subtlety of the place, trying to catch the spirits living in the necropolises of the Mangystau region. I turn to a simple basic form — a line, a point starting from the earth and going up into the sky”.

НАЗИРА КАРИМИ

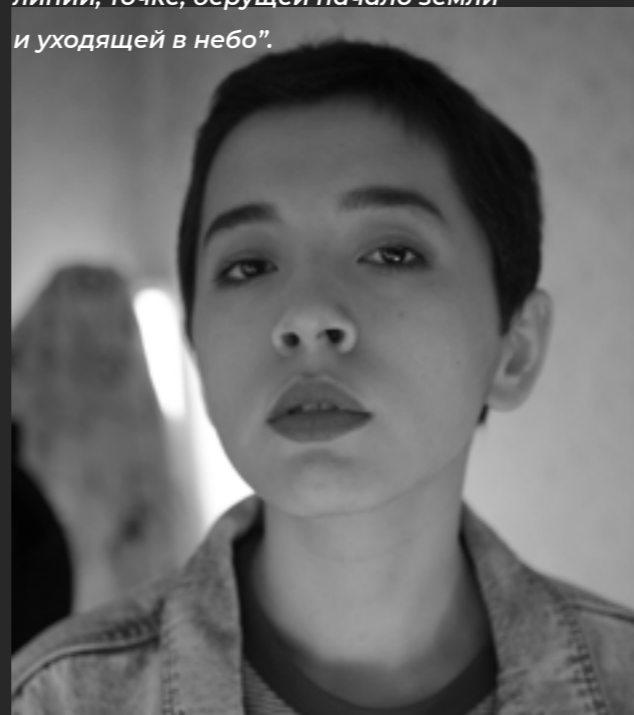
Работы Карими существуют на пересечении различных медиа, таких как цифровой перформанс, инсталляция и видео.

Стереотипы женской идентичности, представленные в современных реалиях, а также критическое осмысление концепций культурных территорий — инструменты работ художницы, которыми она исследует концепцию этнографически закодированных идентичностей. Карими часто использует собственное тело, анимацию и звук, размышляя об отчуждении идентичности.

Ее работы были представлены на площадках и выставках, таких как Vienna Wrong Biennale, Aspan

Gallery, ARTBAT FEST, FemAgora, а также в видео-перформанс для Центра современной культуры «Целинный» в Алматы, Казахстан.

“С самого раннего детства, которое я провела в Душанбе, число 40 ассоциировалось у меня с ритуалами. 40 дней со дня рождения, 40 со дня смерти, 40 ступеней очищения в некрополе Шахи Зинда в Самарканде. Для этой работы я собрал пинхол-камеру(стеноп), которая использует технологию камеры-обскуры, упоминаемую в арабских источниках и работах Альхазена X века. Я использую фотографию не в качестве инструмента для документирования, но магического прибора, цель которого — зафиксировать неуловимость, изысканность места, попытаться уловить духов, обитающих в некрополях Мангыстауской области. Я обращаюсь к простой форме — линии, точке, берущей начало земли и уходящей в небо”.

MAIDYN ISIN SHYGARU

Roads are like metaphors for movement.

Roads as volatile/transitional objects: material, social and metaphorical.

The cultural significance of the roads.

The way.

This year, I take the word “road” as part of my life path, since this year I entered my second Mushel. The traditional Kazakh calendar has a 12-year life cycle called “Mushel”. The is a belief that the transition from one cycle to another is considered as a dangerous but important period.

The word “Mushel” means “part”, “share”. Thus, the magic number “twelve” is present in many important rituals. For example, it was believed that there are 12 main parts in the body of humans and animals, the sacrificial lamb is divided into 12 parts, in a year, respectively, 12 months.

Mushel Zhas (kaz. Year) brings change and even a breakthrough.

Studying my traditions (claiming them back), I carefully follow them. This year I try to be neat, take care of loved ones, give away dear belongings (as the ritual says).

At the moment I started working on Maidyn isin shy-

Nazira Karimi

garu I was in the middle of my Mushel, while I slowly started feeling changes and breakthroughs.

For Maidyn isin shygaru, I created a video about the path/road that I went through, protecting it by practicing stolen traditions and rituals, that I claim and assign.

MAIDYN ISIN SHYGARU

Дороги – как метафоры движения.

Роль человека в жизни дорог и роль дорог в жизни человека.

Дороги как изменчивые/переходные объекты: материальные, социальные и метафорические.

Культурное значение дорог.

Путь.

Традиционный казахский календарь имеет 12-летний жизненный цикл, называемый «Мушел». Существует мнение, что переход от одного цикла к другому считается опасным,

но важным периодом.

В этом году, я воспринимаю слово “дорога” как часть жизненного пути, так как в этом году я вступила в свой второй Мушел.

Само слово в переводе означает “часть”, “доля”. Так, магическое число “двенадцать” присутствует во многих важных ритуалах. Например, считалось, что в теле человека и животных присутствует 12 главных составляющих, на 12 частей делят и жертвенного барашка, в году, соответственно, 12 месяцев.

Мушел Жас (каз. Год) приносит перемены и даже прорыв.

Изучая свои традиции (претендуя на них), я всегда их соблюдаю.

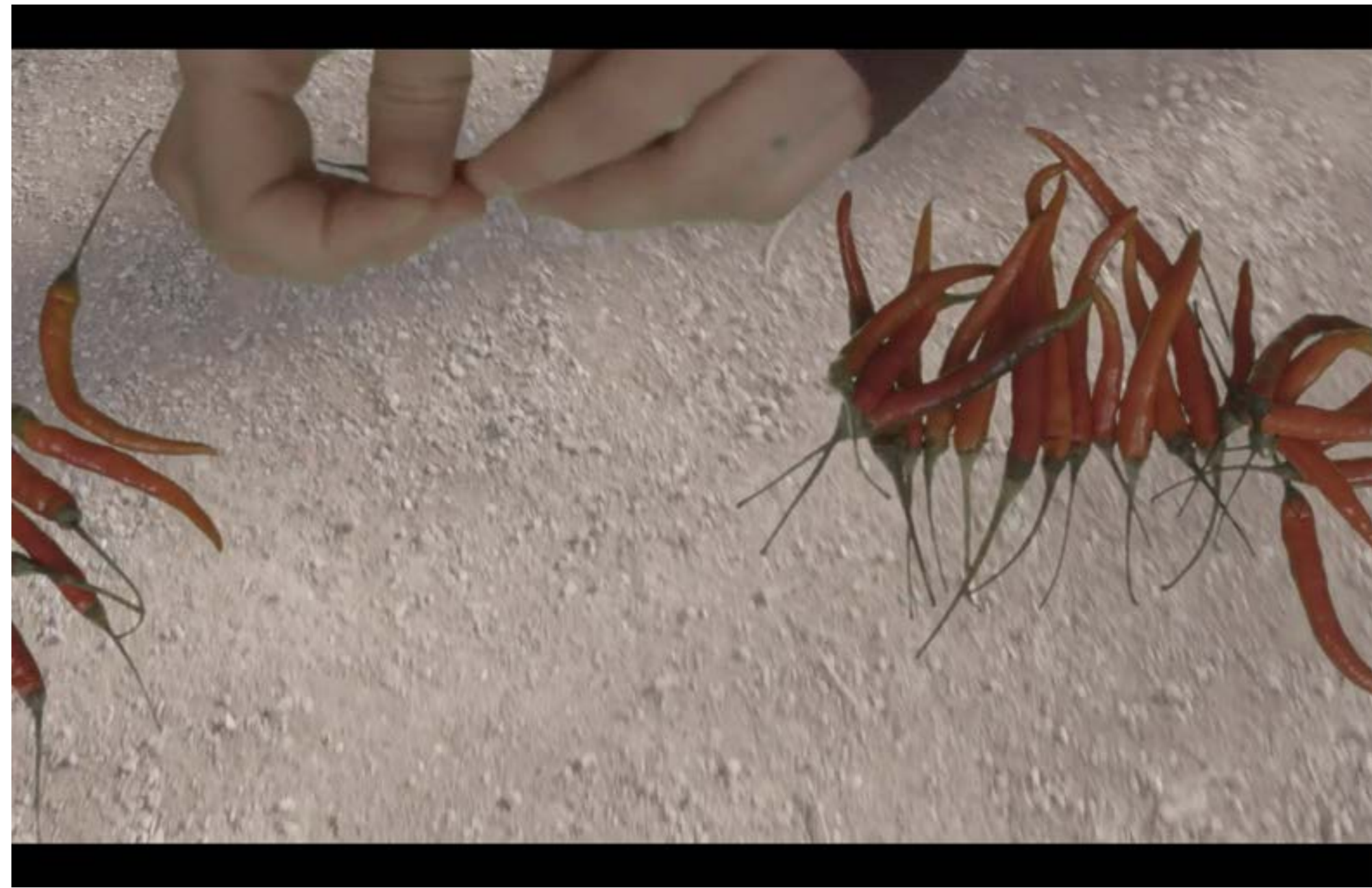
Для Maidyn isin shygaru я создала видео о пути / дороге, по которой я прошла, оберегая путь отнятыми практиками и ритуалами, которые я пытаюсь вернуть и присвоить.

QR CODE

Nazira Karimi

Video / Видео

Nazira Karimi

SAID ATABEKOV

Atabekov was born in 1965 in Bes Terek in the Tashkent Province of Uzbekistan. After his studies at the Shymkent Art College, he continued with the education of upcoming artists and the organization of exhibits of their work.

He began his career when the introduction of perestroika in the Soviet Union which enabled him to make use of the enlarged possibilities of artistic freedom. In this time he founded the collective Kyzyl Traktor (Red Tractor) and experimented with international modernism. In course of history, his region had been under influence of four strong and often conflicting ideologies: nomadic pantheism, islam, Russian influences and western capitalism. The deeper paradoxes of them can repeatedly be seen in his work, such as from the time of Genghis Khan, during communism and in the time following the dissolution of the Soviet Union.

In 2011 Atabekov was honored with a Prince Claus Award.

САИД АТАБЕКОВ

Атабеков родился в 1965 году в Бес-Тереке Ташкентской области Узбекистана. После учебы в Шымкентском художественном училище он продолжил обучение начинающих художников и организацию выставок их работ.

Свою творческую деятельность начал с началом перестройки в Советском Союзе, что позволило ему воспользоваться расширенными возможностями художественной свободы. В это время он основал коллектив “Кызыл трактор” (“Красный трактор”) и экспериментировал с международным модернизмом.

В ходе истории его регион находился под влиянием четырех сильных и часто конфликтующих идеологий: пантеизма

кочевников, ислама, русского влияния и западного капитализма. Их глубокие парадоксы можно неоднократно увидеть в его работах, например, во времена Чингисхана, во времена коммунизма и в период после распада Советского Союза.

В 2011 году Атабеков был удостоен премии принца Клауса.

WAY TO ROME

This project started in the late 2000s. As a photo book or small stories (quotes) of what happened to us and around us - political and natural disasters. In the project it is as if the traveller follows in the foot-steps of Attila, Genghis Khan or Marco Polo from the territory of China to Europe, to Venice with photodocuments.

But in fact it is a journey inside of the traveller and reflection in the information space. Having a vast territory in the Great Steppe, we do not have enough documentary archives. If there are archives, they are outside our country, i.e. in archives of other countries. All that we know was transmitted to us verbally, through poetry or oral masterpieces of akyns-improvisers.

For me personally it is important to study the past and find the right answers-ideas materialized in a truthful artistic form.

My photos are made with simple frames - horizon and objects and installations... I rarely use random objects, in general I prepare sketches for a photo first. Then I create objects and installations.

Said Atabekov

ДОРОГА В РИМ

Этот проект начинался в конце 2000 годов как фото-книга или небольшие зарисовки (цитаты) из того, что происходило с нами и вокруг нас - политические и природные катастрофы. В проекте путешественник, идущий по следам Аттилы, Чингиз Хана или Марко Поло из территории Китая до Европы, до Венеции как бы старается запечатлеть свой путь.

А на самом деле это путешествие путешественника внутрь себя и размышление в информационном пространстве. Имея огромную территорию в Великой степи, у нас недостаточно

документальных архивов. Если они есть, то находятся вне нашей страны, то есть в архивах других стран. Все что мы знаем нам передавали устно, через стихи или произведения акынов-импровизаторов.

Для меня лично важно изучить прошлое и найти ответы, а также выразить, воплотить идеи в правдивой художественной форме.

Фотографии представляют зрителю простые кадры - горизонт и объекты, инсталляции... Я редко использую случайные объекты, в основном сначала готовлю для фотографии эскизы. А после делаю объекты и инсталляции.

QR CODE

Said Atabekov

Photography, installation / Фотография, инсталляция

Said Atabekov

SHAILO DJEKSHENBAEV

Shailo Djekshenbaev was born in 1947 in Kyrgyzstan. After graduating with diploma in architecture in 1971 he began his professional career as an architect. In 1979 his passion for cinematography led him to the Cinema Academy of Goskino USSR in Moscow, where he studied animation film direction. Until collapse of the Soviet Union in 1991 Shailo Djekshenbaev was creating animation films in the Kyrgyzfilm studio. Since 1992 he has become a freelance photographer. He resides and works in Kyrgyzstan.

One of the main themes of his work is the series of changes that have occurred in the Kyrgyz society after the country's independence in 1991. This includes architectural and environmental changes as well as the development of contemporary art in Kyrgyzstan. Shailo participates in many international art exhibitions both inside and outside Kyrgyzstan.

ШАЙЛО ДЖЕКШЕН- БАЕВ

Шайло Джекшенбаев родился в 1947 году в Кыргызстане. После получения диплома архитектора в 1971 году он начал свою профессиональную карьеру. В 1979 году увлечение кинематографом привело его в Киноакадемию Госкино СССР в Москве, где он изучал режиссуру анимационного кино. До распада Советского Союза в 1991 году Шайло Джекшенбаев создавал анимационные фильмы на киностудии "Кыргызфильм". С 1992 года он стал внештатным фотографом. Проживает и работает в Кыргызстане.

Одной из главных тем его работ является

ряд изменений, произошедших в кыргызском обществе после обретения страной независимости в 1991 году, включая архитектурные и экологические изменения, а также развитие современного искусства в Кыргызстане. Шайло участвует во многих международных художественных выставках как в Кыргызстане, так и за его пределами.

OLD AIRPORT: MY PERSONAL HOMELAND

A story about the old airport in Bishkek, a sacred place of Shailo Djekshenbaev, where he began his artistic journey:

"The old airport has a complicated story. Back in 1961, I moved to Frunze to continue my studies after 8 years of school in my home village. I settled with my aunt, who lived near the airport. Back then it was called "the Frunze Airport" without the fact that it was old. Now it is old, yes, after the new one was built.

I fell asleep and got up to the roar of aircraft engines. This roar became the first sign of urban civilization for me. I had to adapt and study in the capital. The hum was always different and I liked it ... it helped to get involved in the rhythm of the capital.

I didn't know that in many years this would become the main theme of my photography. I came back here many years later..."

Shailo Djekshenbaev

СТАРЫЙ АЭРОПОРТ: МОЯ ПЕРСОНАЛЬНАЯ РОДИНА

История о старом аэропорте в Бишкеке, сакральном месте Шайло Джекшенбаева, где он начал свой творческий путь:

"Старый аэропорт имеет свою непростую историю. Еще в 1961 году я приехал во Фрунзе продолжить учебу после 8-лет школы. Я поселился у своей тети - она проживала под боком аэропорта. Тогда он назывался просто "Фрунзенский Аэропорт" без того, что он "старый". Сейчас он старый, да, после того, как был построен новый..."

Я засыпал и вставал под гул и рев двигателей самолетов. Этот рев мне стал первым знаком городской цивилизации. Я должен был адаптироваться и учиться в столице. Гул был всегда разным и мне это нравилось... это помогало включиться в ритм столицы.

Я не знал, что через много лет это станет главной темой моего искусства фотографии. Я вернулся сюда спустя много лет... "

АРХИТЕКТУРА

Shailo Djekshenbaev

“Как-то ко мне обратился Белек Афиджанов, коллега и хороший знакомый, сделать фотографии макета архитектурного комплекса “Бизнес Центр” от какой-то частной фирмы.

Тогда в лихие 90-е они росли как грибы и также скоро исчезали. Белек обладал уникальными качествами и тогда, казалось, пришло время для таких парней, как Афиджанов, по хорошему шустрых и пробивных, артистичных и целеустремленных.

На краю взлетного поля, рядом с отелями “Пинара - Ак Кеме” вскоре, на мое удивление, возник железно-бетонный каркас объекта Белека. Потом он на долгие годы был “заморожен”, затем и вовсе исчез с карты Бишкека.”

Shailo Djekshenbaev

“Я любил этот объект. Он был для меня вроде капитанского мостика, откуда я мог лицезреть свой “старый Аэропорт”.”

ПРОХОЖИЕ

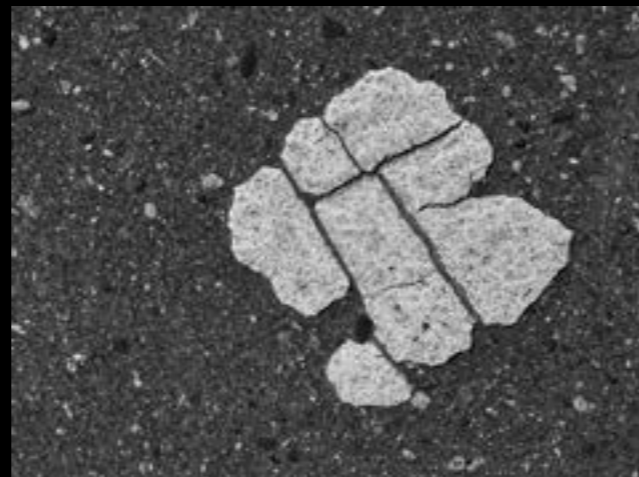
ВЗДУТЫЕ ВЕНЫ

2021

LISA ROSS

Lisa Ross is a photographer, video artist and educator living in New York City. Ross's work revolves around the liminal spaces in which faith, culture and abstraction meet. Her immersive landscapes and early black and white work explore the skin of the land. In doing so, she reveals the texture of culture, and, in time, the political realities inextricably bound to place that emerge.

Meanwhile, her portrait work has sought to capture intimacy, and touches on issues of identity, gender and belonging.

Ross also investigates physical manifestations of faith, with journeys to the Sahara and Sinai leading to an ongoing body of work exploring pilgrimage. In recent work, Ross made repeated visits in and around the Taklamakan Desert — visiting sites of Uyghur shrines. These hand-made markers of faith leave an indelible mark on the landscape — touching on cycles of life and death, pilgrimage and sainthood. They are an affirmation of existence, a collective experience that is overpowering in its very humility.

The resulting large-scale photo and video works have been exhibited internationally, and refer to the site-specific traditions of land artists such as Andy Goldsworthy, evoking the existence and awe-inspir-

ing power of landscape. The series culminated in the book *Living Shrines of Uyghur China*, published by The Monacelli Press and distributed internationally by Random House.

ЛИЗА РОСС

Лиза Росс - фотограф, видеохудожник и педагог, проживающая в Нью-Йорке. Работы Росс фокусируются вокруг лиминальных пространств, в которых встречаются вера, культура и абстракция. Ее иммерсивные пейзажи и ранние черно-белые работы исследуют "кожу" земли. При этом она показывает текстуру культуры а, со временем, политические реалии, неразрывно связанные с исследуемым местом.

В своих портретных работах она стремится запечатлеть интимность и затрагивает вопросы идентичности, пола и принадлежности.

Росс также исследует физические проявления веры: в результате путешествий в Сахару и на Синайский полуостров появились работы, посвященные паломничеству. В рамках работы над последними проектами Росс неоднократно

посещала пустыню Такла-Макан и ее окрестности, исследуя места уйгурских святынь. Эти рукотворные объекты веры оставляют неизгладимый след на ландшафте, затрагивая циклы жизни и смерти, паломничества и святости. Они являются подтверждением существования, коллективным опытом, непреодолимым в своей скромности.

Созданные в результате поездки крупно-масштабные фото- и видеоработы выставлялись на международном уровне и отсылают к традициям ее земляков, таких как Энди Голдсуорти, работы которого рассказывают о существовании и благоговейной силе ландшафта. Кульминацией серии стала книга "Живые святыни уйгурского Китая", опубликованная издательством Monacelli Press и доступная по всему миру.

MUKADDAS MIJIT

Mukaddas Mijit was born in Urumchi, the capital of Uyghur Homeland. She is an ethnomusicologist, filmmaker, danseur and music manager.

In 2003 Mukaddas Mijit came to Paris to study classical music. The non-visibility of Uyghur culture made her decide to study Ethnomusicology to enable her to promote her own culture. In 2015, she obtained her PhD degree on ethnomusicology, researching about "Staging of Uyghur Dance and Music".

МУКАДДАС МИЖИТ

Мукаддас Миджит родилась в Урумчи - столице родины уйгуров. Она этномузыколог, режиссер, танцовщица и музыкальный менеджер. В 2003 году Мукаддас Миджит приехала в Париж, чтобы изучать классическую музыку. Невидимость уйгурской культуры заставила ее принять решение изучать этномузыкологию, чтобы иметь возможность продвигать свою собственную культуру. В 2015 году она получила степень доктора философии по этномузыкологии, исследуя тему "Постановки уйгурского танца и музыки".

EPIC FAILURE

IMPRISONED OUTSIDE OF “HOME”

Mukkadas Mijit

Year 2017,

a year when everything started to crumble for each and every Uyghur soul in the world. No matter where they were physically, nor which citizenship they held, the sense of alienness grew, like a dark mark on their forehead whose edges seeped further outward with every passing day, slowly branding them as someone different and apart. For those stuck outside the homeland, the “Road Back Home” became unbearably blurry.

The “Epic Failure 1, 2, 3,” trilogy features one Uyghur body, dancing in abandoned spaces, grieving through the stages of the loss of the “Loved One.”

The body moves in the land of the Great Manas, but the mind longs for the other side of the mountains. Where is home? Why is there no way back? From this historically familiar but now foreign place, the “Uyghur” body sends out a choreographic elegy.

All three performances were created in 2017 by

Lisa Ross and Mukaddas Mijit, at Aalam Ordo, an unfinished complex on the southern shore of Issyk-Kul Lake, Kyrgyzstan. Initiated by politician and businessman Tashkul Kereksizov in 2007, Aalam Ordo was meant to become a center of spirituality,

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

culture, and science. Instead, Aalam Ordo remains forever half-built, its structures and monuments sprouting untended weeds and occasionally flaking off slabs of decorative stone.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ЗА ПРЕДЕЛАМИ “ДОМА”

Муккадас Миджит

2017 год,

тот год, когда все начало рушиться для каждой уйгурской души в мире. Независимо от того, где каждый из них находился физически и какое имел гражданство, чувство отчужденности росло. Это как темная метка, которая с каждым днем все дальше расплзалась, клеймила их как других, инородных. Для застрявших за пределами родины, “Дорога домой” стала невыносимо трудной и неопределенной.

В видео трилогии “Эпическая неудача 1, 2, 3” вы увидите уйгурку, которая танцует в заброшенных помещениях и проживает все стадии потери “Любимого человека”.

Тело движется по земле Великого Манаса, но разум находится по ту сторону гор. Где же дом? Почему нет пути назад? Из этого исторически знакомого, но теперь чужого места она творит хореографическую элегию.

Все три перформанса были созданы в 2017 году

Лизой Росс и Мукаддас Миджит в Аалам Ордо, недостроенном комплексе на южном берегу озера Иссык-Куль в Кыргызстане. Задуманный политиком и бизнесменом Ташкулом Керексизовым в 2007 году, как центр духовности, культуры и науки “Аалам Ордо” навсегда остался полуразрушенным. Его строения и памятники поросли сорняками, а от плит декоративного камня время от времени отслаиваются кусочки.

EPIC FAILURE 1.2.3

Lisa Ross

It was 2017, we had flights to Urumqi but we re-routed to Kyrgyzstan. Mukaddas told me the text said something like, “It’s a cold summer, better not to come. You never liked the cold.” That was enough for us to understand that something was going on and it wasn’t safe to travel there, and certainly not with me, a foreigner. Anyone with Chinese citizenship could be detained. That’s what came to happen, to thousands of people and then hundreds of thousands and then over a million. Things we could never imagine were soon to unfold.

Kyrgyzstan is on the other side of the border. There is a large Uyghur diaspora there. We began to walk through the landscape, meet friends, listen to music, hear stories and absorb everything through our

eyes. We were both foreigners here. When we drove along the southern road of the Issy-Kul lake region we passed a long running concrete wall painted with colorful murals. Further on we passed the high gold painted iron gates, and pulled over to see what was there on the other side, along the lake. We saw large stages and sculptures, a young girl on a camel, a painted starry sky, a flying saucer made of gold metal and roaming horses. It was an abandoned park. It looked like the circus had come to town and left suddenly. We walked around, and in the silence, imagined actors and artists engaging in spaces. There was an organic cinematic feel. We needed to express ourselves and returned the next day. I loved working with Mukaddas because we could let go and explore using our bodies, the space, our skills, vision and imagination; we could improvise together. There was a level of trust, and it was an emotional time. The site we happened upon felt like an invitation to create. And so we did. These 3 videos are a culmination of something we can’t put language to. But the spaces we chose to work in, the sunlight, the rippling waves of the lake, the atmosphere of our journey, found its way to express itself here at Aalam Ordo. And so the show went on, and the park was used, and the stories were told, and perhaps the park itself was no longer an epic failure.

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

ЭПИЧЕСКАЯ НЕУДАЧА 1.2.3

Лиза Росс

Это был 2017 год, у нас с Мукаддас были запланированы рейсы в Урумчи, но нас перебросили в Кыргызстан. Мукаддас сказала мне, что в сообщении было что-то вроде: “Лето холодное, лучше не приезжай. Ты никогда не любила холод”. Этого было достаточно, чтобы мы поняли, что ехать туда небезопасно, и уж точно не со мной, иностранкой. Любой человек с китайским гражданством мог быть задержан. Так и случилось. Тысячи людей, сотни тысяч, а потом и миллионы. То, что мы даже не могли себе представить, вскоре произошло.

Кыргызстан находится по другую сторону границы. Там проживает большая уйгурская диаспора. Мы там гуляли, встречались с друзьями, слушали музыку, истории – буквально все впитывали. Мы обе были здесь иностранками. Когда мы ехали по южной дороге

озера Иссы-Куль, проезжали мимо длинной бетонной стены, расписанной красочными фресками. Далее проехали высокие железные ворота, расписанные золотом, и остановились, чтобы посмотреть, что находится на другой стороне, вдоль озера. Мы увидели большие сцены и скульптуру девушки на верблюде, нарисованное звездное небо, летающую тарелку из золотого металла и бродячих лошадей. Это был заброшенный парк. Казалось, что цирк приехал в город и внезапно уехал. Мы ходили вокруг и в тишине представляли, как актеры и художники занимаются пространством. Мы почувствовали кинематографичность момента. Нам нужно было выразить себя, и мы вернулись на следующий день. Мне нравилось работать с Мукаддасом, потому что мы могли отпустить себя и исследовать, используя наши тела, пространство, наши навыки, видение и воображение; мы могли импровизировать вместе. Мы чувствовали доверие и эмоциональный подъем. Место, в котором мы оказались, само приглашало к творчеству. И мы творили. Эти три видео - кульминация того, что мы не могли выразить словами. Но пространство, которое мы выбрали для работы, солнечный свет, колышущиеся волны озера, атмосфера путешествия нашли свое выражение здесь, в Аалам Ордо. И так действие продолжалось ведь атмосфера парка позволила нам рассказать истории, и, возможно, сам парк перестал быть эпической неудачей.

EPIC FAILURE 1 :

MM

A crumbling giant mural portrait of the legendary Chinggiz Aytmatov and a minuscule dancing body on the southern shore of Issyk-Kul. The dancer searches for words for her elegy: spinning, raising, stretching, stepping right and left, looking up and down, running, sitting—all these movements only to assemble a phrase to express the grief and the loss.

Just like a ballerina trapped in a music box, the “Uyghur dancing body” is trapped in an infinite world, right outside of “Home.” This is nothing but a wordless lamentation, in an empty park in front of Chinggiz Aytomatov’s slowly vanishing portrait.

LR

A colossal mural painting with a gold, gaudy frame is itself framed by nature— a still sky and rippling waters. In the painting, a mountain is the background to an arm, hand and fingers raised high, appearing to wave out to an audience. The paint-

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

ing’s canvas is in a state of decay; the face is torn and blowing in the wind. The eye appears and disappears as it flaps in space.

Mukaddas moves gracefully, her arms forming a multitude of arabesques. Her hands turn and fingers bend. She spins, folds, and bows. Her back arches followed by the roll of her arms. The pitch of the music is playful and sorrowful. The oversized face in the mural dwarves her body. When she steps beyond the boundary of the mural, the sea and the sky surround her, shifting the focus from the man-made to a dialogue with nature.

ЭПИЧЕСКАЯ НЕУДАЧА 1 :

MM

Разрушающийся гигантский настенный портрет легендарного Чингиза Айтматова и миниатюрное танцующее тело на южном берегу Иссык-Куля. Танцовщица ищет слова для своей элегии: кружится, поднимается, тянется, шагает вправо и влево, смотрит вверх и вниз, бежит, сидит - все эти движения только для того, чтобы собрать фразу, выражающую горе и потерю.

Подобно балерине, запертой в музыкальной шкатулке, “танцующее тело” заперто в бесконечном мире, прямо за пределами “Дома”. Это не что иное, как бессловесные стенания в пустом парке перед медленно исчезающим портретом Чингиза Айтматова.

ЛР

Колоссальная настенная живопись с золотой, аляповатой рамой сама обрамлена природой - тихим небом и журчащими водами. На картине гора является фоном для руки, кисти и пальцы которой высоко подняты и как бы машут зрителям. Полотно картины разрушается: лицо разорвано и развеивается по ветру. Глаз появляется и исчезает в пространстве.

Мукаддас движется грациозно, ее руки образуют множество узоров. Ее руки вращаются, а пальцы сгибаются. Она кружится и кланяется. Ее спина выгибается дугой, затем следуют взмахи рук. Звуки музыки игривы и печальны. На фоне огромного лица на фреске ее тело кажется меньше. Когда она выходит за границы фрески, озеро и небо окружают ее, смещая акцент с рукотворности на диалог с природой.

EPIC FAILURE 2 :

MM

“Why am I here?”

“Why am I in someone else’s Epic Story?”

“Where is my tale?”

“Where are my heroes?”

“Where is my home?”

LR

The establishing shot shows the mild hypnotic waves of Ysyk-Köl Lake with a fallen decorative iron fence in the foreground. At the edge of the water is the deserted Aalam Ordo Park. The next scene is a tale told by a Mukaddas who charts the boundaries of bare bleachers. The seats have become the stage

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

In closing, the view is widened; we see that the stage is set in front of six concrete yurts connected by walls that present a fort-like barrier. Behind the yurts are layers of mountain ranges. We are left to see the deteriorating arena.

ЭПИЧЕСКАЯ НЕУДАЧА 2 :

MM

“Почему я здесь?”

“Почему я в чужой эпической истории?”

“Где моя сказка?”

“Где мои герои?”

“Где мой дом?”

ЛР

В постановочном кадре показаны мягкие гипнотические волны озера Иссык-Куль с поваленным декоративным железным забором на переднем плане. У кромки воды находится заброшенный парк Аалам Ордо. Следующая сцена - это сказка, рассказанная Мукаддас, которая обходит границы голых трибун. Сиденья стали декорациями для этого спектакля.

В тесной рамке минималистского фона черного и серого цвета шум нежных волн отражается в спокойствии и грации танца. Со временем происходит сдвиг, и разворачивается диалог с самим пространством. Мукаддас быстро и многократно ходит по решетке из выбеленных

солнцем гранитных плиток. Она ложится на ступеньку в пестром пейзаже распада; перекачивая свое тело на следующую и следующую ступеньку, она сливается с камнем. Ее ноги подгибаются и проваливаются под ее телом, наступает трудный момент. Ее кроссовки не могут найти сцепление с поверхностью, и она теряет баланс.

Из щелей и трещин пробиваются дикие зеленые сорняки, которые распускаются, как букеты, оставленные в память о забытых.

Обзор расширяется; мы видим, что сцена установлена перед шестью бетонными юртами, соединенными стенами, которые представляют собой барьер, похожий на форт. За юртами находятся горные хребты. Нам остается увидеть разрушающуюся арену.

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

EPIC FAILURE 3 :

ММ

The body of the dancer, trapped outside of “Home,” wishes to explore foreign spaces, wishes to heal. Could this be an opportunity to learn a new poetry? Has the time come for her to sing in another language, to be in another place and time?

Benevolent manaschi Saiakbai Karalaev watches her moves over the top of the nearby mountains. The “Uyghur dancing body” tries to imitate the Kyrgyz storyteller without success. The “Uyghur dancing body” tries to remember her own language, her own story, her own dance moves. She turns, runs, tries to escape from her open-air cell. Exhausted, she finds herself on the ground of the empty space.

Thus, trying to tell someone else’s Epic Story fails.

ЭПИЧЕСКАЯ НЕУДАЧА 3 :

ММ

Тело танцовщицы, запертое за пределами “Дома”, желает исследовать чужие пространства, желает исцелиться. Может быть, это возможность познать новую поэзию? Пришло ли для нее время петь на другом языке, оказаться в другом месте и времени?

Доброжелательный манасчи Саякбай Каралаев наблюдает за ее движениями с вершины близлежащих гор. Танцовщица безуспешно пытается подражать кыргызскому сказителю. Она пытается вспомнить свой собственный язык, свою собственную историю, свои собственные танцевальные движения. Она поворачивается, бежит, пытается выбраться из своей камеры под открытым небом. Измученная, она оказывается на пустой земле.

Таким образом, попытка рассказать чужую эпическую историю терпит крах.

SILENT PROTEST AGAINST THE DISAPPEARANCE OF UYGHUR INTELLECTUALS

6 METERS OF ETLES / BROOKLYN BRIDGE

ММ

Until just a few years ago, the world was unaware of Uyghur suffering. Uyghur voices were silenced day after day, their existence reduced to nothing. The more the Uyghurs suffered silently, the more the world ignored them.

In 2018, among the countless atrocities committed against the Uyghur people, Lisa Ross and I were deeply concerned about the disappearance of many

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

talented artists, intellectuals, and scholars living in the Uyghur region.

In the Uyghur funeral tradition, 6 meters of tissue is the length of material used to wrap the body of the deceased. Wrapping up a living body on a public space symbolises a silent cry for the suffering of innocent souls and an endangered culture.

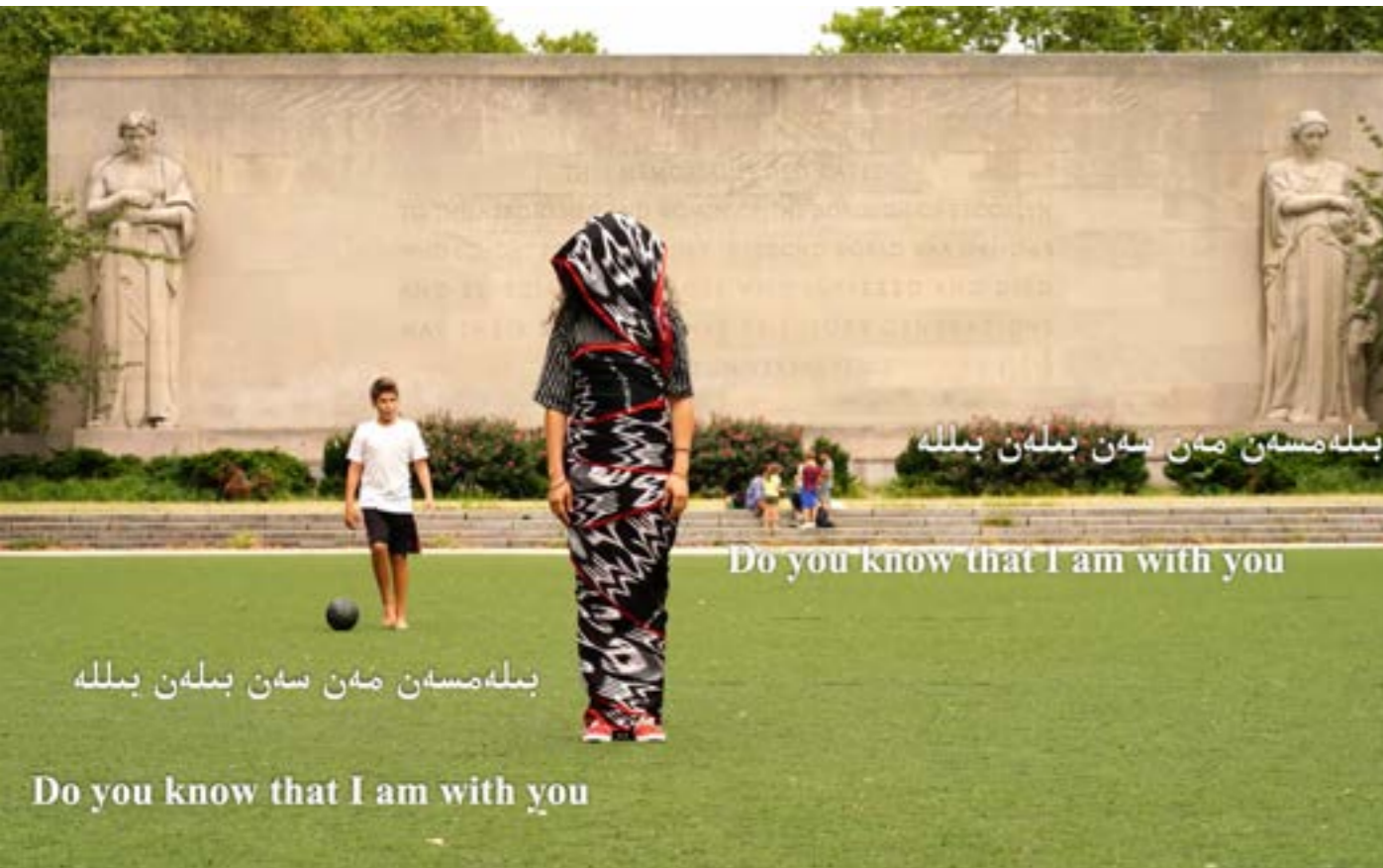
МОЛЧАЛИВЫЙ
ПРОТЕСТ ПРОТИВ
ИСЧЕЗНОВЕНИЯ
УЙГУРСКИХ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

6 МЕТРОВ ЭТЛЕСА / БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

ММ

Еще несколько лет назад мир не знал о страданиях уйгуров. С каждым днем голоса уйгуров затихали, их существование сводилось к нулю. Чем больше уйгуры молча страдали, тем больше мир их игнорировал.

В 2018 году на фоне бесчисленных злодеяний, совершенных против уйгурского народа, мы с Лизой Росс были глубоко обеспокоены исчезновением многих талантливых художников, интеллектуалов и ученых, живущих в регионе. В уйгурской похоронной традиции 6 метров ткани — это длина материала, в который заворачивают тело умершего. Показательное заворачивание живого тела в общественном месте символизирует безмолвный крик о страданиях невинных душ и исчезающей культуре.

DO YOU KNOW THAT I AM WITH YOU

MM

Perhat Tursun is a famous Uyghur writer, poet, and teacher who vanished into Chinese prison in 2018. His poem “Elegy” is a strong testament to centuries of Uyghur suffering.

“Do You Know That I Am With You” is Perhat Tursun’s voice and this video work’s call to action.

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО Я С ТОБОЙ

MM

Перхат Турсун - известный уйгурский писатель, поэт и учитель, который исчез в китайской тюрьме в 2018 году. Его поэма “Элегия” – мощное литературное свидетельство многовековых страданий уйгуров.

“Знаешь ли ты, что я с тобой” - это голос Перхата Турсуна и призыв к действию в этой видеоработе.

TURPAN MURALS

LR

This video work was originally intended as a test for a future installation. In it, Mijit interacts with hanging vertical scrolls, as she mirrors movements and behaviors of the figures in the images. The two-sided banners are installed to create a landscape of paintings to be navigated by the viewer. The images in the banners are sections of paintings from propaganda murals Ross photographed in Turpan, a city in the Uyghur Region of China, 2011. Ross chose to deconstruct the murals, skewing their original intent by slicing the horizontal murals into vertical sections, changing the way the images are read. The original propaganda murals seemed absurd in their intent to direct and control daily behaviors giving unsolicited advice for living and working under state control. The murals were painted on the mud brick walls of traditional Uyghur homes on a long village street.

As an installation, viewers are intended to weave through the hanging landscape, finding themselves up close, bumping into the banners while physically interacting with the deconstructed imagery. The original propaganda murals are rife with a heavy handed colonial intention and content. They have a childlike quality that can easily be read as condescending. And yet, in retrospect, looking at them from a lens of

Photography, performance, video art / Фотография, перформанс, видео арт

2021, the murals are almost utopic in vision as their intention is not to erase Uyghurs and their culture, but to direct, shape and modernize as Uyghurs were permitted to maintain their own language, culture and lives within colonial China’s communist regime.

ТУРФАНСКИЕ ФРЕСКИ

LR

Эта видеоработа изначально задумывалась как тест для будущей инсталляции. В ней Миджит взаимодействует с висящими вертикальными свитками, повторяя движения фигур на изображениях. Двусторонние баннеры установлены таким образом, чтобы создать пейзаж из картин, по которому должен

Lisa Ross, Mukaddas Mijit

перемещаться зритель. Изображения на баннерах - это фрагменты картин с пропагандистских фресок, которые Росс сфотографировала в Турпане, городе в Уйгурском регионе Китая, в 2011 году. Росс решила деконструировать фрески, искажив их первоначальный замысел путем их нарезки на вертикальные секции, что изменило способ прочтения изображений. Оригинальные пропагандистские фрески казались абсурдными в своем намерении направлять и контролировать повседневное поведение, давая непрошенные советы, как жить и работать под контролем государства. Фрески были нарисованы на глинобитных стенах традиционных уйгурских домов на длинной деревенской улице.

В инсталляции зрители должны сами пробираться через висящий пейзаж, натываясь на баннеры и взаимодействуя с деконструированными образами. Оригинальные пропагандистские фрески несут колониальный посыл. Они намеренно по-детски нарисованы, что легко может быть воспринято как снисходительное отношение к зрителю. Однако, если посмотреть на них из 2021 года, фрески выглядят почти утопично, поскольку их намерением было не уничтожение уйгуров и их культура, а трансформация и модернизация, поскольку уйгурам было позволено сохранить свой собственный язык, культуру и жизнь в рамках коммунистического режима к

QR CODE

ALTYN KAPALOVA

Altn has been creating experimental art products, combining science, art, and politics. She converts the results of her anthropological research into art works that aim to make the voices of vulnerable communities louder for influencing political decisions. Her curatorial expertise covers visual arts, theater, and creative writing.

АЛТЫН КАПАЛОВА

Алтын создает экспериментальные художественные работы на стыке науки, искусства и политики. Преобразуя результаты своих антропологических исследований в художественные произведения, она стремится сделать голоса уязвимых сообществ слышимыми и громкими для большего влияния на политические решения. Ее кураторский опыт охватывает визуальное искусство, театр и творческое письмо.

WOMEN & WAYS

The roads that women in Kyrgyzstan walk on acutely demonstrate violence and injustice against women. The work consists of three parts. Trail 1 tells us about the lack of equality in feeling of the roads, so different for men who ride a horse or drive a car, and women who have to go by foot, often in wrong shoes. Trail 2 points out endless chores of women, who bring water homes day by day and step by step. Trail 3 points out into the basic human security of women on the roads.

ЖЕНСКИЕ ДОРОГИ

Дороги, по которым ходят женщины в Кыргызстане, четко демонстрируют насилие и несправедливость в отношении женщин. Работа состоит из трех частей. Тропа №1 рассказывает об отсутствии равенства в ощущении дорог, столь разных для мужчин, которые ездят на лошади или водят машину, и женщин, которые вынуждены ходить пешком, часто в неподходящей обуви. Тропа №2 указывает на бесконечные обязанности женщин, которые день за днем приносят воду в дома. Тропа №3 рассказывает о базовой безопасности женщин на дорогах.

Altn Kapalova

QR CODE

TRAIL #1

The lack of public transport and good roads primarily affects women and children, because most men travel on horseback or in their cars. Women, on the other hand, have to walk long distances every day. And this walking is not a pleasant walk for pleasure and health. It's gruelling walking. Women only have access to inexpensive, low quality shoes that constantly wear out. One pair of shoes costs between \$10 and \$20. Each woman buys 4 pairs of shoes a year, children 5 pairs. The total annual cost of shoes for the whole family is at least \$400, which is a large sum for the family budget. Buying women's and children's shoes is a huge problem for many families.

ТРОПА №1

Отсутствие общественного транспорта и хороших дорог, прежде всего, сказывается на женщинах и детях, поскольку большинство мужчин передвигаются верхом на лошади, либо на своих автомобилях. Женщины же должны преодолевать большие расстояния пешком каждый день. И эта ходьба не является приятной прогулкой для удовольствия и здоровья. Это изнуряющая ходьба. Женщинам доступна только недорогая обувь низкого качества, которая быстро изнашивается. Стоимость одной пары обуви варьируется от 10 до 20 долларов. Каждая женщина покупает 4 пары обуви в год, детям

Altyn Kapalova

TRAIL #2

5 пар. В общей сложности годовая стоимость обуви для всей семьи составляет 400 долларов минимум - большая сумма для семейного бюджета. Покупка женской и детской обуви является огромной проблемой для многих семей.

For Kyrgyz villagers, access to drinking water is a couple of hundred metres away. The main water carriers are women and children. The direct link between health and the availability of water in the home is proven by science. The women in this village understand the importance of having enough water and bring 50 to 100 litres of water into the house day after day. It's a long way to go because it's hard to carry.

Video / Видео

ТРОПА №2

Для жителей кыргызских сёл источник питьевой воды часто находится за пару сотен метров от дома. Главными носильщиками воды являются женщины и дети. Прямая связь между здоровьем и наличием воды в доме доказана наукой. Женщины в этом селе понимают важность наличия воды и день за днем приносят в дом от 50 до 100 литров воды. Из-за тяжести ноши это долгий и сложный путь.

Altyn Kapalova

ТРОПА №3

Часто небольшие расстояния становятся для женщин бесконечными из-за отсутствия безопасности на дорогах. В своих интервью женщины Кыргызстана говорят, что часто берут с собой детей, если приходится идти в темное время суток по улицам, потому что считают, что насильников остановит присутствие ребенка. Но реальность показывает, что это ошибочное мнение. Независимо от присутствия детей, темные дороги становятся бесконечно длинными и опасными для женщин, и не всегда им удается захлопнуть за собой дверь и выдохнуть с облегчением.

TRAIL #3

Short distances often become endless for women due to the lack of safety on the roads. In their interviews, women from Kyrgyzstan confess to often get their children accompany them if they have to go somewhere at night, because they believe the presence of a child will stop the rapists. But the harsh reality proves this assumption wrong. Regardless of the presence of children, dark roads become endlessly long and dangerous for women, and they are not always lucky to shut the door behind them and breathe a sigh of relief.

MADLEN KOBI

Dr. Madlen Kobi is a social anthropologist working at the Academy of Architecture of the Università della Svizzera Italiana, Switzerland. As part of the project “The City as Indoors: Architecture and Urban Climates” (<http://www.roesler.arc.usi.ch>), funded by the Swiss National Science Foundation, she is currently investigating the relations between architecture, socio-technical knowledge, and everyday climate-related practices in residential spaces in Chongqing, China. From 2010 to 2017, Madlen Kobi conducted research on urban spaces in Xinjiang Uyghur Autonomous Region (PR China) with a special focus on ethnic diversity.

She is single author of „Constructing, Creating and Contesting Cityscapes. A Socio-Anthropological Approach to Urban Transformation in Southern Xinjiang, P.R. China“ (Harrassowitz, 2016) and co-editor of “The Open Cut – Mining, Transnational Corporations, and Local Populations” (LIT, 2016), “The Urban Microclimate as Artifact. Towards an Architectural Theory of Thermal Diversity” (Birkhäuser, 2018) and “Architecture and/as Infrastructure” (Roadsides, 2020). Her articles have been published (among others) in The International Journal of Urban and Regional Research, Social Anthropology, TSANTSA, Inner Asia, Eurasian Geography and Economics, Architecture Beyond Europe and Central Asian Survey.

МАДЛЕН КОБИ

Доктор Мадлен Коби - социальный антрополог из Академии архитектуры Университета итальянской Швейцарии (Università della Svizzera Italiana). В рамках проекта “Город как помещение: Архитектура и городской климат”, финансируемого Швейцарским национальным научным фондом, она изучает отношения между архитектурой, социотехническими системами и повседневными климатическими практиками в городских пространствах Чунцина, Китай. С 2010 по 2017 год Мадлен Коби проводила исследования городских пространств в

Синьцзян-Уйгурском автономном районе (КНР), уделяя особое внимание этническому разнообразию.

Она является автором книги “Constructing, Creating and Contesting Cityscapes. A Socio-Anthropological Approach to Urban Transformation in Southern Xinjiang, P.R. China” (Harrassowitz, 2016) , а также соредактором книг “The Open Cut - Mining, Transnational Corporations, and Local Populations” (LIT, 2016), “The Urban Microclimate as Artifact. Towards an Architectural Theory of Thermal Diversity” (Birkhäuser, 2018) и “Architecture and/as Infrastructure” (Roadsides, 2020). Она публиковалась в таких журналах, как The International Journal of Urban and Regional Research, Social Anthropology, TSANTSA, Inner Asia, Eurasian Geography and Economics, Architecture Beyond Europe и Central Asian Survey.

TASTING POLITICS ALONG ROADSIDES

When I remember the city of Aksu (Southern Xinjiang, China), I'm thinking about the visual impressions, the smells and sounds, the feeling of walking up and down the streets. As a passionate urban fieldworker, I enjoy sensing a city from its roadsides including the taste of food. The project you just experienced is my late memory of the time I spent in Aksu during my anthropological fieldwork in the early 2010s. Back then, I mapped Uyghur and Han residences, shops and restaurants to get an understanding for the ethnic urban space use and to trace the city's social transformations. Years later, this material helps me to bring back the colorful memories of this place which are overshadowed by the recent political developments in the region.

Madlen Kobi

ДЕГУСТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ОБОЧИНАХ ДОРОГ

Когда я вспоминаю Аксу (Южный Синьцзян, Китай), я размышляю о визуальных впечатлениях, запахах и звуках, ощущениях от ходьбы по улицам города. Как страстный полевой исследователь городских пространств, я наслаждаюсь ощущением города с его обочин. Проект, с которым вы только что познакомились, - это мое воспоминание о времени, проведенном в Аксу во время рабочей поездки в город в начале 2010-х годов. Тогда я наносила на карту уйгурские и китайские (ханьские) жилые дома,

магазины и рестораны, чтобы составить себе представление об этническом использовании городского пространства и проследить социальные трансформации в городе. Спустя годы этот материал помогает мне воскресить красочные воспоминания об этом месте, которые теперь омрачены недавними политическими событиями в регионе.

QR CODE

Madlen Kobi

1. PRELUDE

When I remember Aksu, I'm thinking about the visual impressions, the smells and sounds, the feeling of walking up and down the streets. As a passionate urban fieldworker, I enjoy sensing a city from its roadsides including the taste of food. Strolling through Aksu leaves the visitor with a dazzling impression: some streetscapes resemble eastern Chinese cities with their offer of Beijing Duck, Lanzhou noodles, or Sichuan hotpot. In other places, we encounter Uyghur presence in the form of lamb

Madlen Kobi

skewer stalls, naan bread stands, and supermarkets with Turkish products.

In 2011 and 2012, I had many lighthearted encounters with local residents in and around food places. This project revives some of the moments I spent with Turakiz, a Uyghur woman in the same age like me who had grown up in the city. By moving the cursor on the map, you can hear different stories about food in Aksu. The soundscapes

in the background underline the different worlds touching upon one another along urban roads. All stories are based on real encounters from back then.

However, my memories are fading. They are blurred in recent years by the shocking news of Uyghur residents disappearing into Chinese state-controlled detention centers. A bitter taste transforms the colorful memories into dream-like black and white film stills.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Когда я вспоминаю Аксу, я думаю о визуальных впечатлениях, запахах и звуках, ощущениях от ходьбы по улицам города. Как страстный полевой исследователь городских пространств, я люблю ощущать город с его обочин. Прогулка по Аксу оставляет ошеломляющее впечатление: некоторые уличные пейзажи напоминают восточные китайские города с их вездесущей пекинской уткой, лапшой по ланьчжоуски или сычуаньским хого. В других местах мы наблюдаем уйгурское присутствие в виде киосков с бараниной на шампурах, хлебом нан и супермаркетов с турецкими продуктами.

В 2011 и 2012 годах я часто встречалась с местными жителями в местах общественного питания и рядом с ними. Этот проект воскрешает некоторые моменты, проведенные мной

с Туракиз, уйгурской женщиной моего возраста, выросшей в городе.

Перемещая курсор по карте, вы можете услышать различные истории о еде в Аксу. Звуковое сопровождение подчеркивает различные миры, соприкасающиеся друг с другом на городских дорогах. Все истории основаны на реальных встречах того периода.

Однако мои воспоминания угасают. В последние годы они размываются шокирующими новостями об исчезновении уйгуров в китайских "центрах перевоспитания". Горький привкус превращает красочные воспоминания в похожие на сон, черно-белые кинокадры.

2. A SHAOKAO /-V/RESTAURANT

Without the company of Turakiz, I am free to go to any restaurant, be it Chinese or Central Asian, halal or not, expensive or not. One night, I enter a cozy-looking barbecue restaurant. It has recently opened in Xiao Nanjie, a tree-lined street with many restaurants from all over China. Every of the only four tables has an own barbeque grill where customers can prepare the food themselves. From a large refrigerator, one can choose the prepared skewers (*/skjuwer/*) with all kinds of vegetables, meat and fish. The taste reminds me of my years as an exchange student living in Beijing.

Madlen Kobi

The owners are a Han couple in their twenties. The woman tells me that she is originally from the neighboring province of Gansu. She immigrated to Aksu 12 years ago because it is easier to make money here than there. Her two siblings have migrated to eastern China, to Beijing and Shanghai, but she decided to try her luck in western China. Her husband was born and raised in Aksu. They saw these kind of barbecue bars on a trip to Chengdu and got

inspired. Later, they bought the table grills in Beijing and opened this place. Their food is not halal so only Han Chinese (and foreigners) eat and meet in their restaurant.

2. A SHAOKAO /-V/RESTAURANT

Без Туракиз я могу свободно пойти в любой ресторан, будь то китайский или среднеазиатский, халяльный или нет, дорогой или бюджетный. Однажды вечером я захожу в уютно выглядящий ресторан барбекю, который недавно открылся на утопающей в деревьях улице Сяо Наньцзе, где расположились ресторанчики с кухней со всего Китая. У каждого из четырех столиков есть собственный гриль, где клиенты могут сами приготовить еду. Из большого холодильника можно выбрать готовые шампуры со всеми видами овощей, мяса и рыбы. Вкус напоминает мне годы, когда я была студенткой по обмену и жила в Пекине.

Владельцы ресторана - ханьская пара лет двадцати пяти. Женщина рассказала мне, что

Madlen Kobi

она родом из соседней провинции Ганьсу. Она иммигрировала в Аксу 12 лет назад, потому что здесь легче заработать. Оба ее брата и сестра эмигрировали в восточный Китай, в Пекин и Шанхай, но она решила попытаться счастья в западном Китае. Ее муж родился и вырос в Аксу. Они увидели подобные барбекю-бары во время поездки в Чэнду и вдохновились этой идеей. Позже они купили настольные грили в Пекине и открыли это местечко. Еда в ресторане не халяльная, поэтому у них едят только ханьцы (и иностранцы).

3. BAHADIR

One day, Turakiz invites me to Bahadir restaurant, a quiet oasis in this unspectacular desert town. It is located on the first floor of an ordinary apartment building close to the Uyghur-dominated Hongqiao district. In Bahadir, Uyghur culture is being celebrated with antique-looking objects, wood-carved interiors, and paintings of traditional houses and desert scenes hanged on the walls. The restaurant was founded by a Uyghur businessman who was trained in western cuisine. Besides Uyghur dishes like laghman or polo, one can also order coffee and pizza. Many well-to-do Uyghurs from Aksu come here, families, friends, women cohorts, young and elderly people. Sparsely, one can spot some Han Chinese customers. But you wouldn't find roadworkers or cleaning ladies because the dishes are quite expensive.

3. БАХАДИР

Один раз Туракиз пригласила меня в ресторан Бахадир - тихий оазис в этом неприглядном пустынном городе. Он расположен на первом этаже обычного жилого здания недалеко от района Хунцяо, где в основном проживают уйгуры. В Бахадире уйгурская культура проявляется через антиквариат, интерьеры, украшенные резьбой по дереву и развешанными на стенах картинами с изображением традиционных домов и пустынных сцен. Ресторан был основан уйгурским бизнесменом, который изучал западную кухню. Помимо уйгурских блюд, таких как лагман или поло, здесь можно заказать кофе и пиццу. Сюда приходят многие обеспеченные уйгуры из Аксу, семьи, друзья, женщины, молодые и пожилые люди. В редких случаях можно заметить китайцев. Но вы не встретите в ресторане рабочих или уборщиц, поскольку блюда здесь довольно дорогие.

4. BEST FOOD BURGER

On a hot summer evening, we are having ice cream and soft drinks with Turakiz and her elder sister in Best Food Burger, an imitation of large Fast Food chains such as McDonalds, Dico's or Burger King. The interior in the two-storey restaurant is dominated by bright yellow and red colors with plastic tables and chairs. At a self-service desk, you can buy your food and take it on a serving tray to your seat.

Our main discussion on that day revolves around the stay of Turakiz in the provincial capital Ürümqi where she is currently in a training for half a year. The elder sister advises her that she shouldn't go out too much, that she shouldn't risk breaking up with her husband, that she should behave like a modest Uyghur woman. Turakiz defends herself vehemently. She feels attacked and argues that she just wants

to have fun without giving up anything. The elder sister wouldn't be able to understand her as she is from another generation. People in her age would see things differently.

4. BEST FOOD BURGER

В один из жарких летних вечеров мы едим мороженое и пьем прохладительные напитки с Туракиз и ее старшей сестрой в Best Food Burger - местечке, имитирующем крупные сети быстрого питания, такие как McDonalds, Dico's или Burger King. В интерьере двухэтажного ресторана преобладают яркие желтые и красные цвета, пластиковые столы и стулья. На стойке самообслуживания можно купить еду и отнести ее на свое место на подносе.

Наш разговор в этот день крутится вокруг пребывания Туракиз в столице провинции Урумчи, где она проходит полугодовое обучение. Старшая сестра советует ей не выходить слишком часто на улицу, не рисковать своим браком, вести себя как скромная уйгурская женщина. Туракиз яростно защищается. Она чувствует себя оскорбленной и утверждает, что просто хочет повеселиться, ни в чем себе не отказывая. Старшая сестра не может ее понять, ведь является человеком другого поколения. Люди ее возраста смотрят на вещи по-другому.

Madlen Kobi

5. LAMB MEAT

Food plays an important role in the daily performance of Uyghurness in public and private spaces. Han eat pork and Uyghurs do not. Due to their Muslim religion, Uyghurs prefer lamb or beef. In a conversation, Turakiz stated once that Uyghurs are proud to be careful about what they eat. They would be different than the Han, who, in her words, "eat all kinds of meat". Buying lamb skewers or nan bread is a matter of personal taste – but at the same time an expression of ethnic belonging.

Lamb is the main dish on Muslim holidays. Turakiz tells me that on Kurban Jie, they usually gather in her mother's house and the lamb usually has to be slaughtered by a male member of the family. If a family has no men who can do the slaughtering, they have to mandate a butcher to do it.

5. БАРАНИНА

Еда играет важную роль в повседневной репрезентации уйгуров в общественных и частных местах. Китайцы едят свинину, а уйгуры - нет. В силу религиозных убеждений уйгуры предпочитают баранину или говядину. В разговоре Туракиз как-то сказала, что уйгуры гордятся тем, что тщательно следят за тем, что употребляют в пищу. Они отличаются от ханьцев, которые, по ее словам, "едят любое мясо". Покупка баранины на шампурах или хлеба нан - это дело вкуса, но в то же время и выражение этнической принадлежности.

Баранина - главное блюдо на мусульманских праздниках. Туракиз рассказала мне, что на Курбан-джие они обычно собираются в доме ее матери, и барашка обычно должен резать мужчина - член семьи. Если в семье нет мужчин, которые могли бы резать барашка, это дело поручают мяснику.

Madlen Kobi

6. HAN RESIDENTS' MEAT CHOICES

On a taxi ride through Aksu, the Han driver comments that from all the meat types, he prefers lamb and beef. "Too much pork is unhealthy", he adds. While he has accustomed his meat eating habits to the local Uyghurs, he cannot understand why people would buy the Uyghur nan bread. He wouldn't eat it as he thinks it is very unhygienic. According to him, during the preparation, hair and sweat pollutes the bread. On the other hand, like many Han Chinese, he praises the lamb skewers sold at street stands as delicious specialty of the region.

6. HAN RESIDENTS' MEAT CHOICES

Во время поездки на такси по Аксу водитель-китаец говорит, что из всех видов мяса он предпочитает баранину и говядину. "Слишком много свинины вредно для здоровья", - добавляет он. Хотя он перенял привычки уйгуров относительно выбора мяса, он не может понять, почему люди покупают уйгурский хлеб - нан. Он не стал бы его есть, так как считает, что это очень негигиенично. По его словам, во время приготовления волосы и пот загрязняют хлеб. С другой стороны, как и многие ханьцы, он хвалит баранину на шампурах, которую продают с уличных лотков и считает ее вкусным фирменным блюдом региона.

Madlen Kobi

7. HSUNDAY BAZAR IN YIGARQI

This Sunday bazar is located in the area West of Duolang River where a lot of construction work is going on to build a new center for the city. Residential compounds are mushrooming all over. The Uyghur bazar is located at the roadsides of a newly, four-laned asphalt street. Turakiz, who joins me to the market, mentions that mainly people from suburban or rural areas are coming here as the market is known for its budget prices. They come to buy clothes and other items for daily life. Most women walking around wear headscarf while many men wear the traditional Uyghur hat. The market seems to be a place for mainly socio-economically poor people. And the largest crowd gathers around the

food stands where one can eat freshly roasted lamb skewers, water melons, Uyghur noodles (lampung), ice cream, dumplings filled with lamb meat and other local specialties.

7. ВОСКРЕСНЫЙ БАЗАР

Этот воскресный базар расположен в районе к западу от реки Дуолань, где идет активное строительство нового центра города. Повсюду вырастают жилые комплексы. Уйгурский базар расположен на обочине новой четырехполосной

асфальтированной дороги. Туракиз, которая пришла на базар вместе со мной, говорит, что в основном сюда приезжают люди из пригородных или сельских районов, так как рынок известен своими бюджетными ценами. Они приезжают, чтобы купить одежду и другие товары повседневного спроса. Большинство женщин носят платки, а многие мужчины - традиционную уйгурскую шапку. Похоже, что на рынок приходят в основном небогатые люди. Большие толпы собираются у киосков с едой, где можно поесть свежезажаренную баранину на шампурах, арбузы, уйгурскую лапшу (лампунг), мороженое, пельмени с бараньим мясом и другие местные деликатесы.

Madlen Kobi

8. COLETTE COFFEEHOUSE

Этот воскресный базар расположен в районе On a lazy Sunday afternoon, Turakiz takes me out to Colette coffee at the southern end of Century Square. From the main door of the multistorey building at the busy East Street, one of the main streets in Aksu's city centre, you have to climb some stairs to reach the entrance of the coffeehouse. Turakiz fancies the Western lifestyle and associates with it having a coffee and a cake. The style and decoration of the restaurant is kind of international. Chandeliers provide light, English music comes out of the loudspeakers, and cozy sofa-style sitting corners invite to chill. Prices are rather upper range and you get everything from matcha coffee to Italian pizza, and chicken rice. All halal. Both Han and Uyghur residents come to such non-ethnic restaurants which are food places where ethnicity plays a minor role.

Madlen Kobi

8. КОФЕЙНЯ COLETTE

В один из ленивых воскресных дней Туракиз ведет меня в кофейню Colette на южном конце площади Сенчури. Чтобы попасть в кофейню, нужно подняться по лестнице от главной двери многоэтажного здания на оживленной Восточной улице, одной из главных улиц в центре Аксу. Туракиз предпочитает западный образ жизни и ассоциирует его с посиделками за чашечкой кофе с пирожным. Стиль и оформление ресторана в некотором смысле интернациональны. Люстры дают свет, из колонок звучат песни на английском языке, а уютные диванчики приглашают расслабиться. Цены довольно высокие, но вы можете найти тут все что угодно: от кофе с чаем матча до итальянской пиццы и риса с курицей. Все халяль. И китайцы, и уйгуры приходят в такие неэтнические рестораны - где этническая принадлежность играет второстепенную роль.

8. EPILOGUE

My collection of food memories from Aksu has now become a testimony for a specific time period in Xinjiang when multiethnic coexistence in urban public spaces was only partially burdened by state politics. Since 2012, ethnic discrimination has culminated in a highly unequal surveillance system. It mainly targets Uyghur residents under the pretext of combating terrorism. One million or more Uyghurs have unjustifiably been detained in internment camps since then. I hope so much that Turakiz and my other acquaintances from that time have been spared from state violence and that one day, we can together enjoy the taste of laghman, polo, tschütschur and lampung again.

Madlen Kobi

8. ЭПИЛОГ

Мои воспоминания о еде в Аксу теперь стали свидетельством конкретного периода в Синьцзяне, когда многоэтническое сосуществование в городских общественных пространствах лишь частично зависило от государственной политики. С 2012 года этническая дискриминация усугубилась крайне неравной системой надзора. В основном она направлена против уйгуров под предлогом борьбы с терроризмом. С тех пор миллион или более уйгуров необоснованно попали в лагеря для интернированных. Я очень надеюсь, что Туракиз и другие мои знакомые того периода не подвергаются насилию со стороны государства и что однажды мы сможем вместе снова наслаждаться вкусом лагмана, поло, цхютчура и лампунга.

Interactive map, photography, fieldnotes / Интерактивная карта, аудио-записи, заметки на полях

Madlen Kobi

URANCHIMEG (ORNA) TSULTEM

Uranchimeg (Orna) Tsultem, received Ph.D. in art history from University of California, Berkeley in 2009, and BA (1993) and MA (1995) in art history from Mongolian University of Arts and Culture (MUAC). She taught at MUAC in 1995-2002, National University of Mongolia (2013-2014), Yonsei University in South Korea (2015), UC Berkeley (2010-2017) and National University of Iceland (2018). She is Edgar and Dorothy Fehnel Chair in International Studies and Assistant Professor of Asian art at Indiana University's Herron School of Art and Design since 2019. Dr. Uranchimeg has curated Mongolian art exhibitions internationally since 1997 including E&J Frankel Gallery in NYC (2000), HanArt Gallery (Hong Kong, 2011), 9th Shanghai Biennale (2012), and 56th Venice Biennale (2015) and Sapar Contemporary in NYC (2019). Her publications include six books in Mongolia, exhibition catalog essays for two museums in Finland (2010-11); Fukuoka Asian Art Museum (1999, 2012); Ethnography Museum in Warsaw, Poland (2011). Her recent academic articles were published in South Asian Studies (UK), Artibus Asiae (Switzerland), Third Text (UK) and Cross-Currents. Her edited volume Buddhist Art of Mongolia: Cross-Cul-

tural Connections, Discoveries and Interpretations Special Issue. Cross-Currents: East Asian History and Culture Review, Special Issue. (Honolulu: Hawaii University Press, 2019). Her monograph A Monastery on the Move: Art and Politics in Later Buddhist Mongolia is published from University of Hawaii Press in fall 2020. Her current manuscript, titled Text, Image and Imagination in Mongolian Buddhist Rituals is under peer review at Columbia University Press. Dr. Uranchimeg's work was awarded by American Society of Learned Societies (2014-2016), Library of Congress (2013), among many more awards and grants. She was awarded an honorary title "Cultural Envoy of Mongolia" by the Ministry of Foreign Affairs of Mongolia in 2016.

УРАНЧИМЭГ ЦУЛТЭМ

Уранчимэг Цултэм, получила докторскую степень по истории искусства в Калифорнийском университете в Беркли в 2009 году, а также степень бакалавра (1993) и магистра (1995) по истории искусства в Монгольском университете искусств и культуры (МУАК). Преподавала в МУАК в 1995-2002 годах, Национальном университете Монголии (2013-2014), Университете Йонсей в Южной Корее (2015), Калифорнийском университете в Беркли (2010-2017) и Национальном университете Исландии (2018). С 2019 года она является преподавателем кафедры международных исследований Эдгара и Дороти Фенел и доцентом в Школе искусств и дизайна Херрон Университета Индианы. Доктор Уранчимэг курирует выставки монгольского искусства на международном уровне с 1997 года, в том числе в галерее E&J Frankel в Нью-Йорке (2000), галерее HanArt (Гонконг, 2011), 9-й Шанхайской биеннале (2012) и 56-й

Венецианской биеннале (2015) и Sapar Contemporary в Нью-Йорке (2019). Ее публикации включают шесть книг в Монголии, эссе каталогов выставок для двух музеев в Финляндии (2010-11); Музея азиатского искусства Фукуока (1999, 2012); Музея этнографии в Варшаве, Польша (2011). Ее последние научные статьи были опубликованы в журналах South Asian Studies (Великобритания), Artibus Asiae (Швейцария), Third Text (Великобритания) и Cross-Currents. Под ее редакцией вышел сборник "Буддийское искусство Монголии: Межкультурные связи, открытия и интерпретации" Специальный выпуск. Cross-Currents: Обзор истории и культуры Восточной Азии, специальный выпуск. (Гонолулу: Издательство Гавайского университета, 2019). Ее монография A Monastery on the Move: Art and Politics in Later Buddhist Mongolia будет опубликована в издательстве Гавайского университета осенью 2020 года. Ее рукопись под названием "Текст, образ и воображение в монгольских буддийских ритуалах" находится на рецензировании в издательстве Колумбийского университета. Работа доктора Уранчимэг была отмечена наградами Американского общества научных обществ (2014-2016), Библиотеки Конгресса (2013), а также многими другими наградами и грантами. В 2016 году Министерство иностранных дел Монголии присвоило ей почетное звание "Культурный посланник Монголии".

BATZORIG MART

Batzorig Mart (b. 1979), was educated in Fine Art (BFA 2001, MFA 2003) at the Mongolian University of Arts and Culture (MUAC). He taught at School of broadcasting and media arts of MUAC, Ulaanbaatar, Mongolia in 2001-2008. He had solo exhibitions and participated in group exhibitions in Mongolia since 2001. His works were shown internationally in Hong Kong, Japan, China, and South Korea.

БАТЗОРИГ МАРТ

Батзориг Март (р. 1979), получил образование в области изобразительного искусства (BFA 2001, MFA 2003) в Монгольском университете искусств и культуры (МУАК). В 2001-2008 гг. преподавал в Школе вещания и медиаискусства МУАК, Улан-Батор, Монголия. Он проводил персональные выставки и участвовал в групповых выставках в Монголии с 2001 года. Его работы демонстрировались на международном уровне в Гонконге, Японии, Китае и Южной Корее.

MUNGUNTSETSEG LKHAGVASUREN

Munguntsetseg Lkhagvasuren, was educated in Fine Art (BFA 2009) at the Mongolian University of Arts and Culture (MUAC). She had solo exhibitions and participated in group exhibitions in Mongolia since 2009. Her works were shown internationally in China and South Korea. Her residencies were in Mongolia (2017) and China (2018). Her art received awards from Xanadu Gallery in 2010, 2011, Grand Prize from the 4th Land Art Biennale LAM 360 in 2016, and Grand Prize from the Joint exhibition of Mongolian - Korean Young Artists.

МУНГУНЦЭЦЭГ ЛХАГВАСУРЭН

Мунгунцэцэг Лхагвасурэн, получила образование в области изобразительного искусства (BFA 2009) в Монгольском университете искусств и культуры (МУАК). Она проводила персональные выставки и участвовала в групповых выставках в Монголии с 2009 года. Ее работы были показаны на международном уровне в Китае и Южной Корее. Ее резиденции проходили в Монголии (2017) и Китае (2018). Ее работы получили награды от галереи Xanadu в 2010, 2011 годах, Гран-при 4-й биеннале лэнд-арта LAM 360 в 2016 году и Гран-при совместной выставки монголо-корейских молодых художников.

ENKHBOLD TOGMIDSHIREV

Enkhbold Togmidshirev (b. 1978), was educated in Fine Art (BFA 2005) at the Institute of Fine Art in Ulaanbaatar, Mongolia. He taught at Institute of Fine Art of MUAC, in 2005-2010. Since 2005, he is a member of Blue Sun Mongolian Contemporary Art Center in Ulaanbaatar.

He had solo exhibitions (2011, 2014, 2016) and participated in group exhibitions in Mongolia since 2006. He represented Mongolia at the First Mongolia Pavilion at 56th Venice Biennale in Italy in 2015. His works were shown internationally in Hong Kong, Japan, China, Australia, South Korea, Finland, Holland, and UK. He was invited for international residences in Holland (2009), Finland (2010), Jeju island in S. Korea (2010), Manchester UK (2011), and China (2018). His work was awarded as the "Best Work" in Mongolia in 2016 and by a grant in 2016 from Art Incubator Project, USA.

ЭНХБОЛД ТОГМИДШИЙРЭВ

Энхболд Тогмидшиирэв (р. 1978), получил образование в области изобразительного искусства (BFA 2005) в Институте изобразительного искусства в Улан-Баторе, Монголия. Преподавал в Институте изобразительного искусства МУАК в 2005-2010 годах. С 2005 года является членом монгольского центра современного искусства "Синее солнце" в Улан-Баторе.

Проводил персональные выставки (2011, 2014, 2016) и участвовал в групповых выставках в Монголии с 2006 года. Он представлял Монголию в Первом павильоне Монголии на 56-й Венецианской биеннале в Италии

в 2015 году. Его работы были показаны на международном уровне в Гонконге, Японии, Китае, Австралии, Южной Корее, Финляндии, Голландии и Великобритании. Он был приглашен в международные резиденции в Голландии (2009), Финляндии (2010), на острове Чеджу в Южной Корее (2010), в Манчестере (2011) и Китае (2018). Его работа была отмечена как "Лучшая работа" в Монголии в 2016 году и грантом в 2016 году от Art Incubator Project, США.

SOME THINGS IN A SPACE

Batzorig Mart has often resorted to the language of road signs and maps in his paintings placing them in various thought-provoking juxtapositions. In this exhibition, he presents 2 assemblages paintings that incorporate collages, objet trouvé and superimposition.

He questions the visual form of road signs as semiotics of "observations along the road" that are created and placed to regulate the urban traffic, and yet, obtain other meanings in his paintings. Batzorig asks, "To what extent can the countryside folk moving to the cities for a new mode of life be regulated by the semiotics of the signs?"

Why do the Mongol urban citizens, young and old, never stops seeking their ways to return to the steppe? "He is primarily concerned about the complexity of urbanization as a process that is layered with persistent (and thus critical) urge and desire for horses, and ger-based life in the steppe even when they were born in the cities.

Batzorig Mart

НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ В ПРОСТРАНСТВЕ

Батзориг Март, современный художник и искусствовед, часто прибегает к языку дорожных знаков и карт в своих картинах, помещая их в различные мыслительные сопоставления. На этой выставке он представляет 2 картины-ассамбляжа, в которых использованы коллажи, objet trouvé и наложение.

Он ставит под сомнение визуальную форму дорожных знаков как семиотику "наблюдений вдоль дороги", которые создаются и размещаются для регулирования городского движения, но в его картинах приобретают другие значения. Батзорги спрашивает: "В какой степени сельские жители, переезжающие в города за новым

образом жизни, могут управляться семиотикой знаков? Почему монгольские горожане, молодые и старые, не перестают искать пути возвращения в степь? ' Его в первую очередь волнует сложность урбанизации как процесса, который наслаивается на настойчивое (и поэтому критическое) стремление к лошадям, жизни в степи, юртам, даже когда они родились в городах.

Painting / Живопись

YESTERDAY

Time : my feet turn cold, my palms turn warm

Munguntsetseg Lkhagvasuren, a performance artist, whose main idea is based in the experience and the questioning of time.

"My feet turn cold, my palms turn warm" is a recurring concept in her work that suggests the natural rhythm of fleeing time, ever moving now, human movements, and thereby of spatial experience.

Her works intentionally explore this idea through two separate, but related works: in a two-dimensional work of oil-on-canvas, and in a performance along a countryside, natural road.

Performance, painting / Перформанс, живопись

Munguntsetseg Lkhagvasuren

ВЧЕРА

Время : мои ноги становятся холодными, мои ладони - теплыми

Мунгунцэцэг Лхагвасурэн, художник-перформансист, чья основная идея основана на опыте и вопросе о времени. "Мои ноги становятся холодными, мои ладони - теплыми" - это повторяющаяся концепция в ее работах, которая предполагает естественный ритм убегающего

времени, вечно движущегося сейчас, человеческих движений и, таким образом, пространственного опыта.

Она исследует эту идею через две отдельные, но связанные работы: в двухмерной работе маслом на холсте и в перформансе вдоль сельской, естественной дороги.

Эти два средства помогают художнице передать совокупность ощущений через визуализацию движения, а также услышать звуки - шаги, естественные звуки травы и ветра - все это происходит в степи, когда человек идет по дороге и вдоль нее.

BLUE AWAKENING

Enkhbold Togmidshiirev, a performance artist, takes a traditional architecture of ger (yurt) for building his own mobile homes as a tool for his exploration into larger questions.

As he sates, "Everything in a ger structure connects with traditional, spiritual customs and carries functional and symbolic meanings: ger also connects us inseparably with the surrounding landscape... Besides its mobility, the ger explores the ideas of both human communication with nature and animals as well as human connections among themselves.

The ger connected with Mongolian concepts and the worldview of universe. "In this performance with his self-buit mobile home. Enkhbold's performance work featured in video aims to "reflect on the spaces in, outside or with the ger, taking the centre of his ger "like an imagination of the world's centre," says the artist.

"My performance triggers a deep reflection through sounds, colors, movements, and images. It is very important to me how people experience my works even virtually, and in my performance the core idea is the exchange of energy through these experience."

Enkhbold Togmidshiirev

ГОЛУБОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Энхболд Тогмидшиирэв, художник-перформансист, использует традиционную архитектуру гэра (юрты) для строительства собственных передвижных домов как инструмент для исследования глобальных вопросов. По его словам, "все в структуре гэра связано с традиционными, духовными обычаями и несет функциональные и символические значения: гэр также неразрывно связывает нас с окружающим ландшафтом... Помимо своей мобильности, гэр исследует идеи как общения человека с природой и животными, так и связи человека между собой.

Гэр неразрывно связан с монгольскими понятиями и представлениями о вселенной. В рамках перформанса с его передвижным

домом-самолетом, автор пытается "осмыслить пространства внутри, снаружи или рядом с гэром, принимая центр своего гэра "за воображаемый центр мира".

Мой перформанс вызывает глубокие размышления через звуки, цвета, движения и образы. Для меня очень важно, как люди воспринимают мои работы даже виртуально, и основной идеей моего перформанса является обмен энергией через этот опыт."

Performance, video / Перформанс, видео

Munguntsetseg Lkhagvasuren

QR CODE

ZOYA FALKOVA

A graduate of Kazakh Academy of Architecture and Civil Engineering (M.Arch), her area of interest is the study and deconstruction of colonial and post-colonial practices (gendered, political, ecological, etc.). She has participated in various art-residencies, contemporary art exhibitions and festivals in the former Soviet Union, US and Europe, including the unofficial pavilions of Kazakhstan at the 57th and 58th Venice Biennale. She works in installation, sculpture, media art, photography, painting, drawing, and also creates poetic texts.

ЗОЯ ФАЛЬКОВА

Выпускница Казахской головной архитектурно-строительной академии (магистр архитектуры). В область ее интересов входит изучение и деконструкция колониальных и постколониальных практик (гендерных, политических, экологических и т.д.). Она принимала участие в различных арт-резиденциях, выставках современного искусства и фестивалях в странах бывшего Советского Союза, США и Европе, включая неофициальные павильоны Казахстана на 57-й и 58-й Венецианской биеннале. Она работает в области инсталляции, скульптуры, медиа-искусства, фотографии, живописи, рисунка, а также создает поэтические тексты.

TITLE

When I remember the city of Aksu (Southern Xinjiang, China), I'm thinking about the visual impressions, the smells and sounds, the feeling of walking up and down the streets. As a passionate urban fieldworker, I enjoy sensing a city from its roadsides including the taste of food. The project you just experienced is my late memory of the time I spent in Aksu during my anthropological fieldwork in the early 2010s. Back then, I mapped Uyghur and Han residences, shops and restaurants to get an understanding for the ethnic urban space use and to trace the city's social transformations. Years later, this material helps me to bring back the colorful memories of this place which are overshadowed by the recent political developments in the region.

Madlen Kobi

TITLE

Когда я вспоминаю Аксу (Южный Синьцзян, Китай), я размышляю о визуальных впечатлениях, запахах и звуках, ощущениях от ходьбы по улицам города. Как страстный полевой исследователь городских пространств, я наслаждаюсь ощущением города с его обочин. Проект, с которым вы только что познакомились, - это мое воспоминание о времени, проведенном в Аксу во время рабочей поездки в город в начале 2010-х годов. Тогда я наносила на карту уйгурские и китайские (ханьские) жилые дома, магазины и рестораны, чтобы составить себе представление об этническом использовании городского пространства и проследить социальные трансформации в городе. Спустя годы этот материал помогает мне воскресить красочные воспоминания об этом месте, которые теперь омрачены недавними политическими событиями в регионе.

QR CODE

RAMIL NIYAZOV

A graduate of Kazakh Academy of Architecture and Civil Engineering (M.Arch), her area of interest is the study and deconstruction of colonial and post-colonial practices (gendered, political, ecological, etc.). She has participated in various art-residencies, contemporary art exhibitions and festivals in the former Soviet Union, US and Europe, including the unofficial pavilions of Kazakhstan at the 57th and 58th Venice Biennale. She works in installation, sculpture, media art, photography, painting, drawing, and also creates poetic texts.

РАМИЛЬ НИЯЗОВ

Выпускница Казахской головной архитектурно-строительной академии (магистр архитектуры). В область ее интересов входит изучение и деконструкция колониальных и постколониальных практик (гендерных, политических, экологических и т.д.). Она принимала участие в различных арт-резиденциях, выставках современного искусства и фестивалях в странах бывшего Советского Союза, США и Европе, включая неофициальные павильоны Казахстана на 57-й и 58-й Венецианской биеннале. Она работает в области инсталляции, скульптуры, медиа-искусства, фотографии, живописи, рисунка, а также создает поэтические тексты.

TITLE

When I remember the city of Aksu (Southern Xinjiang, China), I'm thinking about the visual impressions, the smells and sounds, the feeling of walking up and down the streets. As a passionate urban fieldworker, I enjoy sensing a city from its roadsides including the taste of food. The project you just experienced is my late memory of the time I spent in Aksu during my anthropological fieldwork in the early 2010s. Back then, I mapped Uyghur and Han residences, shops and restaurants to get an understanding for the ethnic urban space use and to trace the city's social transformations. Years later, this material helps me to bring back the colorful memories of this place which are overshadowed by the recent political developments in the region.

Madlen Kobi

TITLE

Когда я вспоминаю Аксу (Южный Синьцзян, Китай), я размышляю о визуальных впечатлениях, запахах и звуках, ощущениях от ходьбы по улицам города. Как страстный полевой исследователь городских пространств, я наслаждаюсь ощущением города с его обочин. Проект, с которым вы только что познакомились, - это мое воспоминание о времени, проведенном в Аксу во время рабочей поездки в город в начале 2010-х годов. Тогда я наносила на карту уйгурские и китайские (ханьские) жилые дома, магазины и рестораны, чтобы составить себе представление об этническом использовании городского пространства и проследить социальные трансформации в городе. Спустя годы этот материал помогает мне воскресить красочные воспоминания об этом месте, которые теперь омрачены недавними политическими событиями в регионе.

QR CODE

